

Стазис

Автор:

Вадим Картушов

Стазис

Вадим Картушов

Сломанный миф

Никто не знает, откуда в наш мир пришел Стазис. Почти никто не знает, что на той стороне. Но все знают три закона.

Первый – живое не может долго находиться на территории Стазиса, не став его частью.

Второй – когда тебя атакует эмиссар Стазиса, не смотри ему в глаза. Ты не сможешь отказаться от того, что увидишь в них.

Третий – Стазис всегда где-то рядом.

Есть и четвертый закон, который поможет тебе выжить. Но тот, кто его знает, всегда молчит.

Вадим Сергеевич Картушов

Стазис

Ангел мой в Соль-Илецке под слоем соли,
спит на руках у Лизы, не зная боли,

вены его лазурны, чиста рубаха,
губы его скульптурны под слоем праха,
губы его пурпурны, белесы брови,
фреской многофигурной, огнем и кровью
время его окружает, обходит с флангов
Навна, принцесса света, бессмертный ангел,
спит на руках у Лизы, уже не помня,
как мы ее зарыли в сырые комья,
как мы за ней ходили четыре года,
как мы о ней забыли – в момент ухода.

Дмитрий Мельников

© Картушов В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть I

Эсхатон не туда

1

Синклер

Синклер шел по железнодорожным путям. Под ногами хрустел гравий. Синклер легко перепрыгивал через две шпалы. Иногда он замирал и прислушивался к лесу по обе стороны от железной дороги, сначала к левой стороне, потом к правой. Настороженно, но уверенно, как опытный сторожевой пес.

«Они до сих пор не любят железную дорогу», – подумал он.

Синклер поправил вещмешок. От прыжков тот сбивался и начинал больно стучать по боку. У вещмешка не было одной лямки. Синклер носил его вольным манером, как студент – сумку с книгами, закидывая то на левое плечо, то на правое. Вещмешок тяжелый, в нем консервы, патроны, миска, кружка, некоторое количество полезных безделушек и книги.

Оказываясь в новом городе, Синклер первым делом искал библиотеку. В основном это были городские библиотеки – крупные или небольшие, государственные или районные. Чаще всего заброшенные. Изредка удавалось наткнуться на искомое в Кочевьях. Некоторые кочевники собирали с собой библиотечку и возили повсюду. Кочевые библиотеки Синклер не любил. Чаще всего там была беллетристика сомнительного качества. В заброшенных городских библиотеках он мог просидеть несколько суток, выбирая чтение в дорогу.

Мелкий дождик застал врасплох. Синклер нахохлился и натянул самодельный капюшон из куска холщового мешка. Раньше это был довольно глупый капюшон, так как мешковина великолепно промокала под дождем. Но потом он обшил его кусочками брезента. Стало вполне сносно. Сверху не мокнет, снизу мягко. Правда, исколол себе все пальцы. Но мужчина обязан уметь шить, иначе будет выглядеть хуже отморозков с самого дна скверны.

– Утюгами, – сказал он и перепрыгнул с одного рельса на другой. – Матюгами. И смазными сапогами.

У Синклера были странные хобби. Например, он любил песни из разных старых фильмов.

– Все швыряли. И орали, – задумчиво добавил он. – И раздался вдруг. Печальный. Хруст серебряный. Прощальный. Умиравший хрустальный хруст. Хруст. Хруст. Хруст.

Он смачно пнул хрустящий железнодорожный гравий. Камешки взбрызнули волной и скатились по насыпи.

Впереди показался синий знак с белыми буквами «р. Скалба». От реки повеяло гнилостным запахом. Подул промозглый ветерок. Крупные редкие капли стали заливать лицо. Синклер поежился.

На автомобильном мосту через реку он увидел герб Хлеборобов. Герб был намалеван на картонке маркерами разноцветных веселых оттенков. Человечек на нем приветливо махал одной рукой, а другую упер в пояс.

Помимо веселого человечка, на гербе присутствовали четыре висельника. Машущий Хлебороб словно предлагал полюбоваться на них и разделить его радость. На заднем плане можно было различить схематично нарисованное пшеничное поле, солнце и странного вида коробки – видимо, комбайны. Внизу картинке шел девиз, стилизованный под славянскую вязь: «ХЛЕБОРОБЫ. МЫ ДАРИМ ТЕПЛО».

– Тот, кто. С хрустальной душой. Тот наказан. Расплатой большой, – проговорил Синклер.

Герб был приклеен к деревянному колу. Кол, что характерно для Хлеборобов, воткнули в голову висельника. Труп, еще совсем свежий, слегка покачивался от ветра на поржавевших фермах моста.

Часов шесть. Значит, недавно был патруль, поменяли вывеску. Или постовые держат запас?

Висельник задумчиво болтался на канате. На лице было написано легкое удивление, словно в кафе ему принесли не тот заказ. У него даже рот слегка приоткрыт, будто он уже готов был обратить внимание официанта на этот конфуз.

– Интересно. Чем пробили макушку. Прежде чем воткнуть? – задумчиво спросил Синклер. – Ледорубом? Пожалуй.

– Гвоздодером? – предположил голос из-за спины.

– Я знал. Вы там, – парировал Синклер. – Ваши засады. Становятся все прозаичнее.

– Это не засада, – обиделся обладатель голоса. – Это пост, мужик. Ты вступил на землю Хлеборобов.

– Я обратил внимание, – сказал Синклер, продолжая глядеть на висельника.

– Чего ты уставился на него? Это вор и негодяй, украл комбайн, набрал туда всякого добра со склада, еще украл двух баб и пытался на нем пробить периметр. Чтобы, значит, мы ломанулись заделывать, а на него бы забили. Он несет заслуженное наказание. Думаешь, мы жестокие придурки?

– Да что ты, – сказал Синклер. – Я думаю. Там четыре пиньяты. На вашем гербе. Никакой жестокости.

– Четыре чего?

– Такие штуки. Висят. Чтобы дети. Конфеты выбивали. Палками.

– Я тебе сейчас голову прострелю, – сказал постовой Хлеборобов.

– Можно повернуться?

– Нет, я не одет, – язвительно сказал постовой. – Съел, да? Сатирик, юморист. Пиньяты! Мы тоже умеем шутки шутить, понял, да, упырь сраный?

– Не надо так. Со мной говорить, – сказал Синклер без эмоций.

Постовой осекся, не успев развеселиться. Что-то в тоне Синклера дало ему понять, что говорить так действительно не стоит. От странных коренастых путников можно ждать любого дерьма. Например, что они окажутся профессиональными убийцами или родственниками князя.

– Ты можешь повернуться, – сказал он. – Подними руки. Назови свое имя и клан.

– Меня зовут Синклер. Клана нет, – сказал Синклер и повернулся.

Пост не внушал доверия. Главный, тот, что завел разговор, – рыжий, кудрявый и с семитской наружностью. Кожаный жилет, на груди нашивка с гербом Хлеборобов. Джинсы и высокие брезентовые бахилы. Под мостом прятаться в воде удобно. Несмотря на осеннюю промозглую погоду, руки голые, только на предплечьях длинные перчатки с раструбами. На плечах – татуировки.

«Щеголь, – подумал Синклер. – Решил бицепсами покрасоваться. Культурист. Сильный, но драться не умеет. Нож на поясе, а не на бедре. Сам правша, и нож с правой стороны. Автомат держит, как курсистка. Глазки бегают. Может пальнуть сгоряча. Лицо слабовольное. Плохи дела у Хлеборобов, если стали на посты отряжать любителей».

Двое остальных, в таких же клановых жилетах с нашивками, интереса не представляли. Стояли позади, руки на кобурах. Один более уверенный. Другой, помоложе, заметно нервничал.

– Вы братья? – спросил Синклер.

– Все люди братья, – торжественно ответил рыжий. – Ты не слишком дерзкий, дедушка? Через земли Хлеборобов без клана? Думаешь, мы тебя тут не пристрелим за красивые глаза? Мы пристрелим.

– Мой дедушка. Твоему дедушке. В рот не поместится, – сказал Синклер. – Решаем так. Я иду дальше.

– Дедушку моего не трогай, – сказал рыжий, видимо не совсем разобрав смысл сообщения.

Он набычился, готовый защищать семейную честь, но глаза нервно забегали. Человек без оружия дерзит человеку, который направил на него ствол, – и это на землях самого беспощадного клана вплоть до Урала. Здесь явно было что-то не так. Видно, что боец хотел еще многое сказать, но неожиданно агрессивный ответ его смутил. Он сдержался.

– Куда идешь? – спросил рыжий постовой. – Мы должны досмотреть твои вещи. И еще, это, ты должен заплатить налог. Взамен получишь транзитный номер на три дня. С ним сможешь пройти. Без него тебя на наших землях кончат. Надо успеть продлить, если не успел, тебя кончат. В города отдельный номер надо, зелененький, стоит дороже. Если в город с транзитом зайдешь, тебя кончат. Есть тебе, чем платить?

– Куда иду. Тебе неважно. Вещи не смотреть. Заплачу консервами.

– Сайра? – спросил постовой. – Это банок шесть надо.

– Горбуша, три банки. Армейская тушенка.

– Это дело! – оживился рыжий.

– Все. Давай городской номер.

– За городской добавить надо, – почтительно сказал рыжий.

Наличие армейской тушенки вызвало у постового неподдельное уважение.

– Галеты. Четыре штуки.

– Маловато, отец.

– Торговаться не надо.

На простоватом круглом лице старшего отразилась мучительная борьба. Синклер не сводил с него взгляда. С одной стороны, путник продолжал дерзить. С другой стороны, дерзить в ответ почему-то не хотелось. С третьей стороны, двое других постовых уже начали смотреть с недоумением – что это ты, мол, с ним церемонишься.

«У Горбача и Сереги нет такого чутья – на тех, кого злить не стоит», – подумал рыжий постовой. Что-то подсказывало ему – будь на месте старшего Горбач или Серега, все трое уже потихоньку сплавлялись бы по Скалбе со свинцом в различных частях тела.

– Нравишься ты мне, отец! Вот другого кого не пустил бы, а ты прям на душу лег! – воодушевленно сказал старший поста. – И говоришь по делу! Сказал – отрубил. Давай, мужик, ступай куда надо, мы возраст уважаем!

«Решил свести все на анекдотики и уважение к старшим, чтобы авторитет среди команды не потерять. И деликатно сделал вид, что забыл про шмон. Молодец. Может, и не догадается. Может, и выживет», – подумал Синклер.

Расплатившись, Синклер затянул свой вещмешок, выразительно посмотрел на троих постовых. Рыжий улыбнулся, двое других смотрели как бараны. Коротко кивнув, он развернулся и пошел дальше по мосту. Висельник болтался по-прежнему безучастно.

Дождь полил сильнее. Синклер плотнее укутался и ускорил шаг.

– Но просто жаль. Об эту шваль. Разбить хрусталь. Хрусталь, – проговорил он.

Коренастая фигура медленно теряла очертания в облаке водяной взвеси и хмурым подмосковном тумане.

Рыжий любовно смотрел на большую банку настоящей армейской тушенки. Капельки весело и звонко стучали по блестящей поверхности. Двое других тянули руки – хотели потрогать. Рыжий дал одному подзатыльник, другого пнул в голень. Первый с удивлением отшатнулся, второй запрыгал на одной ноге, подвывая и матерясь.

– Руки прочь от дамы, сучата, – сказал он. – Чего глазами сверкаете, олухи сраные? У вас сколько нашивок?

– Одна, – пробормотал один.

– Одна, – сказал другой.

– У меня две нашивки и лычка. Я – старший поста. И я решил, что вам грязными копытами нельзя трогать мою девочку.

Рыжий вздохнул с удовлетворением. Авторитет был восстановлен. Горбач и Серега приуныли и опустили плечи.

Постовые спустились обратно под мост. Жили они там, как сказочные тролли – в грязи и унынии. Сколоченная из грубых досок сторожка, прикрытая брезентом, вот и весь уют. Между стеной и сторожкой стояли велосипеды.

Развели костер, надумали греть консервы.

Серега задумчиво поковырял пальцем крышу сторожки.

– Помнишь капюшон этого хмыря страшного? – сказал он.

– А что с ним?

– Сам из мешка, а обшит брезентом. И вообще он весь закутанный, как бабка на привозе в морозный день. А посмотрит из-под капюшона – жуть берет.

– И говорит строго, по-военному, – добавил Горбач. – Полковник, наверное.

– Строго. Обрывисто. И укутан, – сказал рыжий, и мелкие капельки холодного пота выступили на его спине. Мелкие детали, что насторожили его во время допроса, сложились в картину.

Рыжий все-таки не зря был назначен старшим поста. Хлеборобовский мастер обороны отмечал рыжего, ценил, видел в нем какое-то чутье, интуитивный талант. Рыжий не растерялся, не сделал вид, будто ничего не было.

– Жопы на штырь, погнались быстро! Оружие под руку! Догоняем хмурого!

– Да что случилось-то, батюшки, – перепугался Горбач, роняя консервный нож.

– Это, сука, эмиссар! Как увидите – стреляйте!

– Уверен? – внимательно спросил Серега. – Мало ли где он пролез, да откуда?

– Мы ему номер городской выдали, мудозвоны! – заорал рыжий. – Это мертвое чмо сейчас до города дойдет, перережет там патрулей еще пару по дороге, пока не запалят. Убьют его, гля – а в вещах номер. Чей пост выдал? Наш. Быстро по велям, надо его догнать и завалить!

Катиться на велосипедах по размокшей и хлюпающей земле – удовольствие ниже среднего. Фонарь хаотично метался, но повсюду были только водяная взвесь, туман и брызги грязи.

– Дождь, сука, следов не видать! – в отчаянии говорил рыжий. – И ни хера вообще не видать! В грязь закопается, как рак-отшельник, ищи потом!

– Далеко не мог уйти! – задыхаясь, пробормотал Горбач.

Он осмотрительно держался позади компаньонов.

Горбач был совсем молодой – лет двадцать. Он никогда раньше не видел живого эмиссара и очень боялся. Это вообще была его первая вахта на границе земель клана.

Метров через триста Серега заприметил впереди сгорбленную фигурку, сидящую около дерева. Примерно в районе головы силуэта тлел красный огонек.

– Курит он, что ли? – удивился рыжий. – Сидит, устал, гнида. Откуда только сигареты взял?

Рыжему мучительно захотелось курить. До фигуры было еще далеко, и сидящий у дерева не заметил всадников. Погрузился в какие-то свои мысли.

– А какая процедура? – спросил Горбач нервно. – Зачитать ему кодекс перебежчика, или это...

– Дебил? – ответил Серега. – Это эмиссар. Валить его сразу.

– А вдруг он это самое... – робко запротестовал Горбач.

– Валить, – сказал рыжий и скинул автомат с плеча.

Промокший холодный воздух прорезала автоматная очередь. Мокрые осенние сумерки разметало вспышками. Сидящая фигура повалилась на бок. Сигарета выпала изо рта и погасла, не успев долететь до земли.

- Дай я ему добавлю, - попросил Серега.

Он вскинул «макаров» и несколько раз прицельно выстрелил.

- Кучно, - похвалил рыжий. - Готовый, кажется. Пойдем зазырим. Горбач, чего встал?

Горбач, так и не достав оружия, ошеломленно смотрел на упавшую фигуру. И все? И весь эмиссар? Сидел, курил, бабах, готов? А если он все-таки не эмиссар? Горбачу было жалко мужика в капюшоне, тревожно и боязливо.

Постовые осторожно приблизились к фигуре. Впереди - Серега и рыжий. Горбач шагал позади. Он до сих пор не мог прийти в себя.

Внезапно мертвый силуэт резко подскочил одним неуловимым движением. Рыжий завизжал и обстрелял его. Серега тоже оторопел, но не визжал - вскинул пистолет и разрядил в грудь фигуре всю обойму. Та плясала в полуметре над землей, словно издеваясь над стрелками. Выстрелы выбивали из нее ошметки мяса и одежды.

Горбач стоял, оторопев. Он раньше напарников заметил сквозь завесу воды и тумана, что от шеи пляшущего в воздухе эмиссара идет веревка и уходит в крону дерева.

- Рыжий! Это кукла! - заорал он.

За визгом и пальбой они его так и не услышали. Будто в замедленной съемке, Горбач рванулся вперед, но не успел. Сначала Серега выронил пистолет из рук и рухнул лицом в мокрую грязь. Потом рыжий всхлипнул и повалился на землю. В тот же момент кукла висельника рухнула бесформенной грудой.

- Тихо, пацан, - сказал Синклер, выходя из-за дерева на другой стороне дороги.

В одной его руке была веревка, которую он ловко, но аккуратно сматывал, пробрасывая вокруг локтя. Горбач невольно залюбовался. В другой руке Синклера был пистолет. Выглядел он покойно и даже миролюбиво.

Синклер отцепил от шеи куклы край веревки и бережно сложил ее в вещмешок. На Горбача даже не обращал внимания. Потом не менее бережно обыскал трупы рыжего и Сереги. Дружески потрепал по плечу развороченную выстрелами куклу.

Горбач понял, что сидит на земле, обхватив колени руками и тихонько подвывая. Сейчас эмиссар доберется до него. Горбачу хотелось скорее запрыгнуть на велосипед, гнать во весь дух до первого встречного патруля, бродячей собаки, чего угодно, чтобы обнять это и зарыдать, лишь бы не быть рядом с мертвым куском ничто, который деловито обыскивает его погибших товарищей. Хотел встать, но ноги оказались ватными.

Тем временем Синклер закончил с делами и подошел к Горбачу.

– Я бы не стал, – с трудом выговорил он и крепко взял постового за плечо.

– Бля, бля, – сказал сквозь слезы Горбач. – Бля.

Сердце билось, как отбойный молоток. Казалось, он даже сквозь кожу жилета и перчатки эмиссара чувствует равнодушный холод Стазиса.

– Они первые стреляли. Ты видел, – сказал Синклер.

– Не в тебя!

– Думали – в меня. Не бойся. Я не трону. Я не эмиссар.

– Ты зачем, ты зачем? – спросил Горбач, не в силах сформулировать вопрос полностью.

– Вы бы меня. Разве нет?

– Завалили бы, – согласился Горбач. Им вдруг овладело странное безразличие.

– Темные времена наступили, – сказал Синклер. – Ты вставай. Извини. Бери велосипед. Кати в столицу. Пусть формируют. Новый пост.

Горбач смотрел, как странный мужчина в пальто и капюшоне уходит. И напевает – без эмоций, негромко. Он отошел достаточно далеко, но слова все еще отчетливо доносились до Горбача:

– Он – трус. Так над ним. Смеялась шваль. Но просто жаль. Об эту шваль. Разбить хрусталь. Хрусталь.

Один. Шел дурак по трясине

Даже не знаю, как мне вести этот дневник. Как сделать лучше? Надо ли оформлять его в виде писем тебе? Или просто писать, что я чувствую? Сделать ли мой дневник сборником очерков, зарисовок? Возможно, мне надо датировать записи, но я не помню никаких дат.

Прочитаешь ли ты его? Услышишь то, что я хочу сказать? Поймешь меня? Пропустишь мимо глаз? Я не знаю. Пусть будет по-всякому. Я буду вспоминать и рассказывать. Буду фиксировать, что видел, как Дзига Вертов, и буду фантазировать. Иногда мои послания будут невнятными. Иногда я буду писать сам себе – чтобы руки помнили. Чтобы не забыть. Прости. Не обо всем можно сказать прямо.

Иногда я буду просто рассказывать в воздух. Но я всегда помню, что ты меня слушаешь. Ты же слушаешь меня?

Мы жили в обычной девятиэтажной панельке на окраине большого города, который напоминал муравейник. Большой, глупый город. Все постоянно на мандраже, чего-то боятся, суетятся. Большой, глупый город, в нем маленькие, глупые люди. Кольцевой город, словно столица Друккарга. Я очень любил его.

Перед нашим домом был небольшой палисадник. Там рос тополь, кусты, какие-то маленькие цветочки. Бабушка с третьего этажа поливала их прямо с балкона. Выносила ведро и лила сверху. Иногда там стояли люди, но бабушку нельзя было остановить. Зима, лето, люди, не люди, голова болит, давление – цветы должны быть политы. Очень хорошая бабушка. Я ей завидовал.

У крыльца рос тополь. Я рассказывал о нем сказки – сначала старшему, потом младшей. Для каждого выдумывал разные сказки. Старшему рассказывал, что этот тополь содержит в себе дух могучего принца-воина, который защищает наш дом и весь район. Младшей говорил, что в тополе заточена принцесса, которая вечно ждет своего спасителя.

Я и себе придумал какую-то сказку про этот тополь. Не помню какую.

2

Дометиан

«Если мир сошел с ума и погрузился во тьму, что должен делать истинный брат во Христе?»

Я всегда думал, что знаю ответ на этот вопрос. Истинный брат во Христе будет утешать страждущих. Истинный брат во Христе будет кормить голодных. Истинный брат во Христе встанет с оружием против дьявольских тварей. Истинный брат во Христе будет сострадать. И если понадобится, ляжет костью, чтобы защитить божий народ человеческий.

Смешно сейчас вспомнить.

Когда-то давно одним молодым рясофорным монахом овладела гордыня. С ним случилось нечто, и молодой монах перестал верить в Бога. Он ушел из монастыря. Сначала он нарушил обет послушания. Потом обет девства.

Это старинные обеты. Обет послушания значит, что ты отказываешься от своего мнения, от своей личной воли и отныне во всем слушаешь духовного отца, своего покровителя.

Обет девства значит безбрачие. Не только в брак не вступать, но и в половую связь с женским родом.

Я пишу это, потому что не уверен, что в этом насквозь прогнившем и сломанном мире кто-то еще помнит, что такое обеты.

Так или иначе, он нарушил оба этих обета одновременно. Он совратил жену своего духовника. А когда тот вернулся домой, к супруге, разбил ему лицо и спустил с лестницы. После этого он нарушил обет нестяжания – вынес из дома духовного отца телевизор и несколько бабушкиных украшений. Прямо на глазах плачущего, недоумевающего, размазывающего кровавые сопли духовника.

За неполный месяц молодой рясофорный монах нарушил даже те обеты, которых не принимал, и совершил трижды по семь смертных грехов. Он был абсолютно свободен от Бога и от себя. Он был счастлив.

На следующий день после этого пришел туман. Дьявол наводнил земли и воды своими слугами и опустил проклятие на землю.

И я понял, что произошло.

Я один в этом виноват.

Господь увидел, и вознегодовал, и в негодовании пренебрег сынов Своих и дочерей Своих, и сказал: сокрою лицо Мое от них и увижу, какой будет конец их, ибо они род развращенный, дети, в которых нет верности.

Тогда я ушел в горы и принял там великую скиму, обратил себя в великий образ ангельский, надеясь искупить вину перед Господом, чтобы снова Он обратил на нас лицо Свое. Я знал, что мне нет прощения.

Я выучился лечить и калечить. Выучился спать на камнях и питаться дождевой водой. Мои вериги весят полтора пуда. Много лет я просидел в тихой алтайской

пещере, творя тяжелый обряд аскезы и неустанную молитву Христову, выдумывая себе обет тяжелый настолько, насколько вообразить можно, и настолько же благостный.

Сами думы об обете были не менее тягостны, потому что выбор придуман дьяволом. В итоге я понял, какой обет подойдет мне лучше любого другого. Я сделал свой выбор. Отныне я решил навсегда замолчать. Больше ни одной моей мысли не будет озвучено вслух. Единственное исключение, которое я придумал для себя, – это говорить цитатами из Священных Писаний, Евангелий и Посланий. Для этого мне пришлось много лет заучивать благостные строки наизусть, и не было обета благостнее. Навсегда замолчать, стать голосом и рукой Бога – я понял, что это именно тот обет, то невыносимое счастье, что я искал.

Вчера мне был знак. У входа в свою пещеру я обнаружил листок, на нем буквы печатные: «Не оставайся в этом убежище, но ступай, иди в землю Иудину». Потом листок растворился в руках, и я понял, что заснул на траве склона, а записка приснилась мне. Но я помнил каждую засечку шрифта и не мог ошибиться.

А ночью во сне видел я Ангела Божия, и смутилось сердце мое от страха пред славою твоею, ибо дивен ты, господин, и лице твое исполнено благодати.

Я готов нести слово Господне в этот чудовищный мир».

Дометиан закончил писать и с раздражением отбросил в сторону дешевую шариковую ручку. Надо бы найти нормальную, со стальным пером да с запасом чернил. Чтобы их внутрь заливать. А эта пластиковая ерунда пишет отвратительно и ломается постоянно.

Кроме того, написанное чернилами выглядит более солидно и уверенно. Не зря же обучился каллиграфии. Дометиан бережно убрал толстую общую тетрадь в специальный непромокаемый мешочек и спрятал в карман, пришитый изнутри рясы, над подрясником.

За окном заброшенного бревенчатого домика лил дождь. Дометиан аккуратно расправил аналав, достал куколь и облачился. Последними он взял тяжелые вериги. Теперь Дометиан носил их довольно легко и даже подумывал

утяжелить, чтобы сохранить смысл.

В начале своей скимы Дометиан нашел рядом с затвором наполовину вросший в землю трактор «Беларусь». Над торпедой висел образок, а под сиденьем лежал карманный молитвослов. Дометиан понял, что это знак. «Беларусь» стала символом преодоления. Дометиан никогда раньше не работал с металлом, но в этом горном затворе, в тихом охотничьем домике была неплохая техническая библиотека.

Из деталей трактора он выточил вериги – тяжелые кресты на цепях. Цепь крепилась к пластинам грудной брони. Поверх нее Дометиан пропускал шнуры аналава.

За годы пребывания в затворе скимник научился орудовать веригами как оружием. Раскрученным на цепи крестом он мог надвое перешибить дерево в руку толщиной. На людях Дометиан оружие еще не пробовал. Только на дьявольских отродьях, валунах и деревьях.

Мантию Дометиан тоже модернизировал – слегка укоротил рукава, сделал меньше просвет крыльев, укрепил ее изнутри металлическими полосами, а в сами рукава спрятал по стилету, на специальные кожаные ремешки. Немного тренировки, и стилет при легком, благословляющем взмахе рукой ложился точно в ладонь. Еще немного тренировки, и трехгранник летел вперед дротиком. Дометиан научился метать его на пять метров, один за другим и точно в цель.

Изредка к нему забредали дикие эмиссары и куклы. Дометиан проповедовал им – ровно до той секунды, пока голова отродья не оказывалась в радиусе раскрученного креста. Большая проблема была в том, как поступить с трупами отродий. Предать ли нормальному погребению? Сослужить ли службу? Допустим, с чистыми куклами более или менее понятно. Это настоящие Посланцы Иного. Слуги его. В них нет ничего человеческого, кроме облика, и к роду человеческому их причислять нельзя. Известно, что слуги дьявола могут менять свой облик так, как угодно князю мира сего, чтобы проповедовать в нашем светлом божьем мире интересы дьявола.

Дрались такие куда изощреннее, двигались быстрее, и не дай бог тебе заглянуть в их глаза во время атаки. Дометиан видел, как крепкие мужики после долгого зрительного контакта с Посланцем лишались ума.

Отличить труп чистого эмиссара было несложно. У них не было пупка. Таких Дометиан сбрасывал со скалы как можно скорее, чтобы не поганить взор их видом.

А вот что делать с эмиссарами, которые прежде были людьми?

Среди них попадались всякие. Старики с изможденными лицами. Полуголые девушки. Маленькие дети. Дометиан хоронил их по-человечески, но каждый раз терзался, верно ли поступает.

«Ныне я покидаю великую скиму. Выхожу в большой мир и бросаю вызов князю мира сего».

– Воскликните Господу, вся земля. Служите Господу с веселием, идите пред лице Его с восклицанием. Познайте, что Господь есть Бог, что Он сотворил нас, и мы – Его, Его народ и овцы паствы Его. Входите во врата Его со славословием, во двory Его – с хвалою. Славьте Его, благословляйте имя Его, ибо благ Господь. Милость Его вовек, и истина Его и род, – сказал скимник.

Он в последний раз посмотрел на затвор не без доли ностальгии. Горы вокруг тонули в туманной дымке, сквозь которую пробивалось робкое рассветное солнце Алтая. Деревья усыпали склоны зеленым ковром. Он вздохнул.

Дометиан собрался и был готов выступить. По дороге надо будет сделать крюк и заглянуть в Горно-Алтайск, пополнить запасы. Кроме того, в Горно-Алтайске можно было встретить людей, поддержка которых Дометиану интересна. И двигаться дальше.

У Дометиана не возникало вопросов по поводу записки во сне и указанной в ней земли Иудиной. Он не сомневался, что правильно считал послание. Земля Иудина – это, конечно, Москва.

Клан Хлебоборов базировался в северо-восточном Подмосковье.

Сам князь сидел в Красноармейске, в бывшей картинной галерее. Он слыл ценителем искусства. Говорили, он даже скупает картины у других кланов и в прежней жизни имел степень по искусствоведению, преподавал студентам теорию изобразительного и декоративно-прикладного искусства, получал двенадцать тысяч рублей, был холост, печален и не имел никаких перспектив, сам рисовал унылые пейзажи и пытался торговать ими на Измайловском вернисаже. Почти наверняка это было неправдой и пропагандой вражеских кланов. Синклер сам не знал, хотя считал жестокого и авторитарного князя если не другом, то не врагом.

«Надо будет как-то аккуратно это уточнить, интересно же», – подумал Синклер.

Если предположить, что такое прошлое князя Хлебоборов действительно имело место, в условиях постмира он совершил неплохой карьерный взлет.

Теперь князь имел в подчинении богатую и выгодно расположенную область. Несколько тысяч бойцов и несколько десятков тысяч обывателей под началом. Он контролировал торговые пути с юга и севера, удерживал дипломатическую независимость, заключал ситуативные союзы с мощными нижегородскими и казанскими кланами. Князь даже построил собственную речную верфь, хотя толку в ней мало.

Неспокойно было только с волгоградскими Распутниками, но от прямой агрессии против Хлебоборов их удерживала близость Москвы.

– Ни толку. Ни проку. Не в лад. Невпопад. Совершенно, – сказал Синклер.

На подступах к городу он уперся в фортификации. Столбы, соединенные металлическими листами, обшитые вагонкой и мусором, сливались в грязно-серую стену. По периметру торчали вышки с гербами Хлебоборов, веселым человечком на фоне висельников. На каждой из них установлено по автоматической трещотке. Вышки плевались искрами и отсвечивали языками пламени – помимо трещоток, там были костры в мангалах и бочках. На некоторых вышках маячили усталые и злые дозорные. Звук трещоток сливался в единый мельтешащий гул. Бродячих эмиссаров это, может, отпугнет. Но вот

против организованной волны трещотки бесполезны. Будут раздражать, но не остановят.

- Из миража. Из ничего. Из сумасбродства моего, - проговорил он.

Трещотки не умолкали. Синклер поморщился и потер уши. Ритмичный треск бил по голове. Хотелось развернуться и уйти отсюда. Синклер надеялся, что парням на вышках хотя бы выдают беруши. Хотя ему все равно приходится тяжелее, чем им.

Он преодолел неприязнь и зашагал к воротам города. Вдоль ворот тянулась надпись с девизом: «МЫ ДАРИМ ТЕПЛО». Над воротами, прикрывшись зубцами из деревянных чурок, щитов ДСП и ржавых арматурин, сидели автоматчики Хлеборобов.

- Покажи номер! - заорали из-за ворот.

Сквозь самодельные крепостные зубцы торчало сразу несколько автоматных стволов. Помимо этого - Синклер знал - подходящего взяли на прицел минимум два снайпера, еще метров за сто до ворот.

- Нелепо. Смешно. Безрассудно, безумно. Волшебно, - сказал Синклер тихо.

Он порылся в мешке, достал и поднял над головой жестяную табличку с зелеными цифрами. Встречающие немного подумали. Видимо, сверяли номер в своих гроссбухах.

- Арестовать это дерьмо! - радостно заорал невидимый привратник.

- Да как так? - расстроился Синклер.

- Прекратите арестовывать это дерьмо. Я его знаю, - прозвучал за воротами знакомый властный голос.

«Хоть так», - подумал Синклер.

Коршун, начальник княжеской охраны, вышел навстречу. Это был высокий человек с тонкими чертами лица. Сходства с аристократом добавляли тонкие усики, борода и очки. Как и подобает клановому офицеру, он был одет в кожаную куртку с нашивками и погонами. Кожаные жилеты носили рядовые клановые бойцы.

Он напоминал гордого старорежимного профессора из советского кино. Коршун одевался подчеркнуто скромно, но всегда опрятно. Его офицерская куртка идеально вычищена, воротник чист. Ни складки, ни пылинки. Из всех знаков отличия он оставил только клановую нашивку и овальный значок в виде глаза с отрезанными веками – символ княжеской службы безопасности. Многочисленные планки, боевые нашивки и медали Коршун не носил.

– Надеюсь, Синклер, ты сможешь объяснить, зачем страшный мужик, похожий на эмиссара, расстрелял наш пост на Скалбе? – спросил Коршун.

– Тоже рад тебя. Видеть, – сказал Синклер. – Безусловно. Но лучше я. Объясню это князю. К нему пришел. Это очень важно.

Коршун был военным и не привык разводить демагогию на пустом месте. Это выгодно отличало его от других знакомых Синклеру клановых офицеров, многие из которых, вопреки здоровой логике, не были военными.

– Пошли, – предложил он. – Но ты понимаешь, что после вашего разговора я с огромным удовольствием расстреляю тебя лично?

– После нашего разговора. Князь запретит тратить. На меня патроны. Потому что они еще. Пригодятся, – серьезно сказал Синклер.

За воротами ждал полицейский мотоцикл с клановой символикой на бортах. Синклер уселся за Коршуном. Мотоцикл покряхтел и завелся.

Мимо быстро пролетали картинки нормальной городской жизни. Кто-то грелся у костров, горящих в бочке. На главной площади традиционно болтались висельники, чтобы горожане проникались клановым патриотизмом во время вечерних прогулок. Чумадые дети выглядывали из окон.

В относительно благополучных областях дети рождались на удивление быстро и в огромном количестве. Почему людям понадобился постмир, чтобы снова начать нормально плодиться? Синклер решил подумать об этом на досуге.

В картинной галерее было темно и пусто. Князь не любил лишний свет, у него что-то с глазами, и он предпочитал работать в сумерках. Коршун провел Синклера вдоль пыльных коридоров, увешанных полотнами, и оставил в княжеской зале на попечении двух рослых автоматчиков. Там, в дальнем конце, в уютном полумраке работал сам князь Хлеборобов. Коршун откозырял ему и вышел.

Немного помолчали. Автоматчики пучили глаза и демонстративно гладили цевье.

- Почему его. Зовут Коршуном? – спросил Синклер.

- Потому что Виталий Александрович – мелкая падла, хотя и безопасник отменный, – пояснил князь.

- Не понял.

- Неважно. С чем пожаловал, Синклер? – спросил князь.

Он вышел из-за рабочего стола и уселся на свой трон, сколоченный из деревянных хлебных подносов.

- Для начала. Убил двух постовых. Въезд через Скалбу.

- Как это некрасиво, – огорчился князь. – Так себя разве гости ведут? Где ты набрался таких манер, мужчина? В Москве нахватался? Я всегда говорил, что Москва портит людей.

- А красиво. В спину стрелять?

- Ты как будто не знал, что похож на эмиссара. Предупредил бы их: пацаны, я не эмиссар.

– Думал избежать. Тогда бы меня. Застрелили тут же, – ответил Синклер с неудовольствием.

– Может, оно и к лучшему? От тебя постоянно одни проблемы.

– Наверняка к лучшему. Тем не менее. Я здесь.

– Или сказал бы, что ты ко мне, – укоризненно заметил князь.

– Они бы меня. Сразу с эскортом. Проводили, – сказал Синклер настолько иронично, насколько мог. – Кто бы мне. Поверил? Я хотел просто. Пройти, расплатился. Как турист.

– Ты их еще и ограбил, насколько мне известно, – сказал князь недовольно.

– Да, – признал Синклер. – Но они первые. Начали.

– Мне нужен отдельный перстень-печатка, – задумчиво сказал князь. – Чтобы заверять им проездные документы для важных лиц. Ты, дружище, конечно, лицо не столько важное, сколько непредсказуемое. Но если ты будешь валить постовых при каждом пересечении границы, я довольно скоро разочаруюсь в наших отношениях. Возможно, даже немного обижусь. Кого ты сделал героем?

– Один рыжий. Татуированный. Имени не спросил. Другой мелкий блондин.

– Рыжий! – сказал князь с облегчением. – Как же, помню. Пьянь и кретин, но талантливый был! Наверное. Мне его мастер нахваливал. Говорит, будущий тактик. Но есть подозрение, что это его внебрачный сын. Он его пристраивал всюду и нахваливал. У обоих будки рыжие.

Синклер промолчал.

– Ладно, мне все равно никогда не нравился тот рыжий хотень, – продолжил князь. – Но тебе повезло, что мастер обороны уехал. Он бы, возможно, захотел тебя убить. Он и так тебя давно недолюбливает. Ты вообще замечал, что тебя никто не любит? Не пора ли пересмотреть свою социально-общественную парадигму?

- Переживу, - сказал Синклер.

Князь ловко спрыгнул с трона. Стало видно, какого он маленького роста. Он отошел за трон, порылся там и вернулся с яблоками в руках. Одно из них князь уже с аппетитом поедал.

- Будешь? Антоновка, - предложил князь.

- Не люблю антоновку, - сказал Синклер и поморщился. - Кислые.

- Ужели ты не патриот? - закричал князь. - Ты, может, и березки не любишь? Ты, может, педераст? Стража! Отрубите ему голову!

Автоматчики у дверей залы угодливо захихикали.

- Люблю березки, - сказал Синклер.

- Ладно, обмен любезностями закончен, - сказал князь.

Он перестал хихикать, отбросил яблоко и нахмурился. На лбу прорисовалась суровая вертикальная складка. Князь стал похож на Наполеона.

- Повторяю. С чем пожаловал?

- Тебе нужно объединиться. С Распутниками. И запросить помощь у Рубак. И других нижегородцев. Собрать Юродивых. Помириться с Бородачами. И вообще всеми. До кого дотянешься.

- Объединиться с Распутниками? - расхохотался князь. - Единственный шанс объединиться с Распутниками - это вложить мой нефритовый жезл в ротовую полость Соловьева. Вернуть его, так сказать, на законное место. А когда он закончит с моим жезлом, пусть две роты бойцов будут ссать ему на лицо, чтобы продолжить ритуал объединения. А когда они закончат...

- Я был в Москве. Стазис. Идет на прорыв.

– Сколько было тех прорывов, справлялись всегда, – сказал князь. Он был недоволен тем, что его перебили.

– С этим. Не справишься, – сказал Синклер.

Два. Слышался там, где мертвец обретал свой кров

Тополь рос прямо напротив нашего окна. Я выдумывал про него разные сказки. Каждая из них была продолжением следующей, перетекала из одной в другую. Могучий дух принца-защитника покидал тополь, но его место занимал смелый маг. Принцесса сумела освободиться, но колдунья заключила ее любимого в дуб, и принцесса умоляла колдунью поселить ее в рябине рядом с дубом. Иногда сказки смешивались, воин-защитник боролся с колдуньей, а смелый маг помогал им.

Потом пришли таджики с пилами и спилили мой сказочный тополь. Сказали, он представлял опасность – мог рухнуть на дом во время шторма или вроде того. Без тополя вид из окна стал сиротливым. Дети загрустили, и я тоже загрустил.

Ты помнишь палисадник? Тебе разрешают там помнить? Впрочем, здесь уже нет особой разницы. Это все неважно. Я даже не понимаю, кому пишу это. Так. Не отвлекайся. Если начну отвлекаться, они снова придут, и я не успею дописать.

Однажды я не выдержал, поехал на садовый рынок и купил там саженец тополя. Выбирал долго. Я прочитал всяких статей в Сети и переживал, что возьму плохой саженец. Я знаю, что тополя нельзя сажать рядом со зданиями. Но эти панельки через несколько лет все равно бы снесли, правильно?

Вечером мы все вместе вышли в палисадник. Я выкопал яму, посадил дерево, рассказал младшей и старшему новую сказку о нем. Еще мы повесили туда маленький колокольчик. Он звенел на ветру.

Ты иногда проходишь мимо нашего дома? Скажи, тополь все еще там?
Колокольчик звенит, когда дует ветер?

Просто я больше ничего не слышу. Может быть, это точка безумия, может быть, это совесть моя.

Просто иногда мне кажется, что теперь там растет осина.

4

Крувим

В детстве над Крувимом постоянно смеялись или издевались. Причин тому было несколько.

Во-первых, у него отчаянно невнятная дикция. Слишком неразборчивая дикция даже для малого пацана. Лавочники, к которым мама посылала его за молоком и тушенкой, громко ругались и посылали по матери.

- Вынь хрен изо рта и скажи нормально, - говорил один лавочник.

- Он небось сахар просит, - говорил другой с жалостью. - Слышишь - ёнка, да ёнка.

Они не понимали, что бормочет маленький тощий заморыш, вместо молока отпускали масло, а вместо тушенки - жженку, жженный сахар, который давали сосать от кашля и просто так вместо конфет. Иногда Крувим все-таки добивался нужных продуктов, отчаянно мыча и жестикулируя. Но иногда стеснялся и боялся настаивать, смирялся, и тогда они с мамой три дня подряд сосали жженку. Мама не ругалась. Если удавалось добыть писчей бумаги, то мама писала заказ на ней. Крувим просто молча отдавал лавочникам записку. Но он любил рисовать зверей и деревья, так что бумаги постоянно не хватало.

Во-вторых, не повезло с именем.

Крувим – это даже не имя, а дрянь какая-то. Мама называла сына «херувимчик». Долго Крувим думал, что это и есть его имя. Другие дети спрашивали, как его зовут. Крувим отвечал: «Херовинтик». Этим он определил свое прозвище вплоть до совершеннолетия.

Еще он был маленького роста, чем заслужил к прозвищу вторую часть – Половинтик. Херовинтик-Половинтик. В общем, даже мило, хотя и не спасало. Крувим все равно ночами мечтал взять всех этих лавочников, злых детей, связать нога к ноге и выбросить в реку. Он бы обязательно так сделал, будь большим и сильным.

Учитель Радислав Владимирович единственный кроме мамы жалел Крувима. Он гладил бороду, задумчиво тер подслеповатые глаза, глядя на него. Однажды сказал:

– Ты чего-то рассказываешь, а чего – вообще не понять ни разу.

– Я знаю, – угрюмо ответил Крувим.

– Щас, погоди секунду, – сказал учитель и медленно, с кряхтением пошел в заднюю комнату.

Детей он учил прямо во дворе собственного дома. Специально для этого врыл несколько столов и скамеек. Местные мамы нарадоваться не могли на Радислава Владимировича. Он занимал детей на треть дня и платы не требовал. Жил неплохо при этом, благодарные родители сами несли еду и одежду. Не все, но те, кто имел возможность.

– Ты же музыку любишь слушать, Крувим? – спросил вернувшийся учитель.

Он что-то прятал за спиной.

– Люблю, – сказал Крувим.

Он поглядывал на учителя настороженно.

– На-ка вот, держи, – сказал Радислав Владимирович и показал гитару. – В библиотеке самоучитель есть, возьмешь потом. Ты, Крувим, раз говоришь не очень, ты петь попробуй. Под гитару петь – это самое оно! Все девки дают.

– Правда? – спросил Крувим.

Для любого пацана в шестнадцать лет вопрос давания девок представляется исключительно значимым. Даже для низов юношеской социальной иерархии. Крувим не был исключением.

– Иногда правда дают, – ответил старик, подумав. – Есть такое мнение, что в человеке два голоса. Одним он говорит, а другим поет. Вот ты записи крутишь музыкантов этих ваших – у них там один голос, и тот говно, извини уж. А вот если послушаешь из архива радио, где они нормально говорят, – там уже голос и другой. Может, тебе надо вот этим, которым поют, голосом общаться. А там, глядишь, и язык на место встанет.

Крувим поблагодарил Радислава Владимировича. Тот отмахнулся и ушел в мастерскую собирать потешный флот для первого класса.

Через два дня в город вломилась стая диких эмиссаров. Проморгал дозорный. Дом учителя стоял на самой околице, у периметра. Эмиссаров отогнали солдаты, была для этого в городе рота клановых бойцов, да и местные мужики шиты не лыком. Но Радислав Владимирович пропал, и с тех пор его никто не видел.

Крувим начал петь. Он посвящал гитаре и вокалу все свободное от работы время. Даже на ночных вахтах у периметра он потихоньку бренчал. Прошел год, прежде чем Крувим решился запеть на людях.

Были шумные и две бочки яблочной браги. Батя именинницы, офицер клана, привез несколько блоков сигарет из командировки. Наверняка он обреченно понимал, что во время следующей отлучки друзья и подруги дочери выкурят все к чертовой матери. Так оно и случилось. В общем, Крувим пришел на день рождения неприглашенным и с гитарой. Он решил своей игрой завоевать

немного уважения и внимания. В частности, внимания одной особы с темно-русой косой до лопаток и васильковыми глазами.

Крувим долго думал и придумал План.

В нужный момент, когда гости дошли до определенной кондиции, Крувим выполз со своей гитарой из сарая двора. В нем он спрятался заранее, чтобы появиться в середине гулянки как бы невзначай, словно стоял тут все время.

Это была первая часть его Плана. Она удалась, хоть и не без огрехов. Здоровенный Веталь, сын мельника, заметил тощую фигурку с чехлом. Присмотрелся, не переставая пыхать отцовскими казенными сигаретами. Узнал. Заорал:

– Херовинтик! Дамы и господа, присутствует невольный оратор! От Господа Бога, например! Просим ораторию! Тост! Бис! Bravo! – Он зашатался и закашлялся.

Не удалось остаться незамеченным. Девушки и парни недоуменно оглядывались, кто-то начал хихикать. Крувим похолодел. Он подумал, что сейчас хозяева гулянки спросят: «Кто позвал Херовинтика?» И выгонят, конечно же, обязательно выгонят. От напряжения, смущения и предчувствия провала затряслись колени. Если бы в этот момент к нему поднесли свечку, она бы вспыхнула – так густо он покраснел.

Будь Крувим чуть более решительным, он бы пулей выскочил за ограду и убежал домой. Но он оторопел, и это оказалось спасением. Гости, поглядев, потеряли интерес: им интереснее найти третью бочку – именинница уверяла, что та есть, – и позажиматься по углам – углов и желающих позажиматься было в изобилии.

Крувим стоял со своим чехлом, маленький и нелепый, и чувствовал, как медленно отпускает напряжение. Опасность миновала. Можно было потихоньку приступать ко второй части Плана.

Он подобрал брошенный кем-то бокал с недопитой брагой, зажмурился и всосал залпом. Из глаз полетели искры, он закашлялся. Отцовская брага оказалась крепкой. Кто-то рядом даже сердобольно двинул кулаком по спине – не кашляй.

Через несколько минут голова наполнилась спасительной муťou. Крувим взял еще один бокал и отступил в тень ограды, чтобы набраться сил, рассчитать дальнейший порядок действий.

Музыка играла оглушительно. В доме стоял собственный дизель-генератор. Имелся бумбокс эпохи нулевых и коллекция дисков – это была богатая семья. Клановый офицер с постоянным контрактом зарабатывал приличные деньги и мог побаловать свою единственную дочь.

С бумбоксом была связана вторая часть Плана.

Крувим допил и сделал вид, что ему надо отлить. Он скрылся за домом. Там, с другой стороны, стоял генератор, заботливо прикрытый брезентовым навесом. Крувим отключил его и быстро выбежал с другой стороны. Здесь он занял стратегически важную позицию рядом с бумбоксом и сделал удивленное лицо, словно не понимал, почему погасли фонари и перестала играть музыка.

– Блин.

– Свет, а где музыка?

– Только нормальные движения какие-то пошли...

– Там, видать, генератор ебом токнуло, – сказал Веталь уверенно. – Не шепуршать! Я починю.

Он пошел за дом под одобрителные возгласы. Веталя в тусовке любили. Он был полной противоположностью Крувима – большой, сильный, наглый, громкий и коммуникабельный. У Крувима только мать, у Веталя – только отец. Даже тут они зеркально отразились. В романах Крувим читал, что такие персонажи неизбежно становятся друзьями. В реальности один просто гнобит другого, и не надо много ума, чтобы понять, кто кого.

– Тут кто-то наблевал! – радостно сообщил Веталь из-за дома.

– Ребята, ну блин, – расстроилась хозяйка.

– Да не парься, солнышко! Тут совсем чуть-чуть! Немного картошки присутствует.

– Я же просила за ограду выходить, если что, – сказала хозяйка.

– Молодости не прикажешь! – крикнул Веталь из-за дома. – Если б молодость знала! А старость могла! Все, разобрался! Я всех опять спас! Тут просто тумблер выбило! Вопрос говна!

Веталь вместо «говно вопрос» всегда говорил «вопрос говна». Крувим не знал, считал ли Веталь это остроумным или просто не понимал разницы.

Но Крувим был благодарен за представление. Пока все смотрели в сторону Веталя и заглядывали за край дома, он быстрым движением пережал сетевой кабель бумбокса. Темнота над двориком позволяла сделать это без малейших затруднений. Потом починят, а пока что помолчи, невменяемая пластиковая коробка. Крувим удостоверился, что бумбокс перестал подавать признаки жизни. Аккуратно перешел на другую сторону дворика, где оставил чехол с гитарой.

Свет снова загорелся, над двором засияли фонари. Веталь вышел из-за дома походкой победителя.

– Давай музыку обратно, – сказал он и щелкнул кнопкой бумбокса.

Музыка не появилась.

– Давай, говорю, музыку обратно, – сердито сказал Веталь бумбоксу.

Бумбокс игнорировал строгость. В толпе раздался чей-то разочарованный вздох. В углу двора, не замечая происходящего, упоенно танцевал какой-то пьяный парень. Внимание толпы постепенно переходило от Веталя к нему. Вечерина трещала по швам.

– Виталя, ты сможешь починить? – с надеждой спросила хозяйка.

– Да я хрен его разберет, это смотреть надо, – ответил Веталь. – Давайте просто так потусим, да?

– Без музыки скучно, – вздохнули в толпе.

– Ладно, господины, я тогда домой, завтра вставать еще, – сказал кто-то с сомнением.

Крувим понял, что время пришло. Сейчас или никогда. Он вынул из чехла гитару Радислава Владимировича и пошел к центру дворика. Сердце отчаянно бухало. Колени снова затряслись, но Крувим волевым усилием заставил их успокоиться. Наступил решающий момент. Маленький бунт маленького человека становился достоянием общественности.

Он вышел в центр и уже открыл рот, но слова застряли в глотке. На него стали смотреть. Крувим заставил себя улыбнуться и поднял гитару. Толпа обратила на него внимание. На некоторых лицах Крувим даже успел зафиксировать нечто близкое к заинтересованности.

«Я могу сыграть. Если вы не против. Могу сыграть. Могу сыграть. Если хозяйка не против. Могу сыграть. Если. Да просто скажи. Скажи просто», – подумал он.

Он не успел сказать.

– Херовинтик! – заорал Веталь. – Ну-ка дай сюда инструмент, не позорься, дружище мой дорогой. Сейчас папка вам сыграет!

Веталь уверенным жестом отобрал гитару у Крувима, поставил одну ногу на лавку, пристроил гитару на бедро. Крувим хватал ртом воздух и не мог ничего сказать. Кто же знал, что эта глупая тварь умеет играть на гитаре? Кто же знал, что он ее отберет?

Толпа радостно загудела. Веталь нашел способ выйти из неловкой ситуации с бумбоксом за счет того, кто эту ситуацию создал. Сейчас он сыграет какой-нибудь дурацкий блатняк, шансон или классический рок. Все снова будут в него влюблены.

Оглушенный поражением, Крувим отступил обратно в тень. Заплакал бы, но он никогда не плакал, не умел этого делать. Только от обиды горели уши.

«Это провал. Это провал. Я умру в одиночестве. Я брошусь в Стазис. Уйду на войну. Сдохните тут все», – подумал он.

Веталь паршиво бряцал динамичный блатной бой и громко, красиво пел. Не всегда попадал в ноты, но было наплевать – всем нравилось.

Крувим забрал пустой чехол и просто ушел. Около ограды он коротко оглянулся, чтобы получше запомнить место своего поражения. Ожидаемое, но от того не менее горькое Ватерлоо. То, что он увидел, было лучше любой победы и ярче тысячи солнц.

Вся толпа смотрела на Веталея. Только одна девочка с васильковыми глазами и темно-русой косой, чуть в стороне, смотрела на уходящего Крувима. Поймав его взгляд, она коротко улыбнулась. В блестящих глазах заплескали искры.

Все последующие дни Крувим чувствовал себя абсолютно счастливым. Кроме того, он по-прежнему умел петь и играть на гитаре – а что еще надо?

Жизнь шла так же, как и прежде. Дежурства на периметре, военная подготовка, редкие уроки, вялый отгон бродячих эмиссаров от границы, дома поседевшая мать гладит по голове и наливает жидкий суп из чечевицы.

Он собирался подойти к той девочке. После вахты. После уроков. Потом после праздника Жизни уже почти подошел. С каждым днем счастье таяло, а уверенность уходила. Если уверенность была водой, то Крувим напоминал пробитую шилом кастрюлю, какими хозяйки пользуются для полива грядок. Уверенность вытекала медленно и неотвратимо.

В мыслях Крувим был уже давно женат, имел трех детей, построил дом в хорошем районе, а может, переехал в столицу какого-нибудь большого клана, где заработки лучше.

Девочка ждала. Крувиму нравилось думать, что тем взглядом они заключили негласный договор друг с другом. Изредка видя ее на улицах, он старался заглянуть ей в глаза. Коротко, буквально мазком, чтобы не смущать ее и себя. Все надеялся поймать еще одну улыбку и поймал.

Только послана улыбка была не ему, а Светослову, сыну местного бармена. Светослов был немного похож на Крувима. Тоже невысокий, но в отличие от него не тощий, а стройный. Тихий, но это была тихая спокойная уверенность, а не безмолвная паника гадкого утенка-социофоба. Крувим возвращался с вахты, они шли навстречу, и девочка с васильковыми глазами улыбалась Светослову. Видимо, негласный договор был заключен только в его голове.

В тот день Крувим украл у матери бутылку браги, схватил гитару и вышел за периметр, на потрясающе красивую полянку в излучине реки. Там он пел, пил, немного мычал от чувства потери и играл сам себе на гитаре. Крувим знал мертвые зоны вышек – расположился ровно там, где дозорные не смогли его заметить.

Он пел, временами переходя на ор, а потом снова пил.

В какой-то момент на другом конце бревна, которое оккупировал Крувим, появился высокий человек в вельветовой куртке и теплой шапке летчика. У него было приятное, открытое, но несколько безжизненное лицо. Крувим не заметил, откуда он взялся. Просто возник. Человек слушал песню Крувима, подперев подбородок кулаком.

– Люблю эту песню, – сказал человек. – Это «Обыкновенное чудо». Песня волшебника. Не так ли.

Крувим вздрогнул от неожиданности. Будь он менее грустен и пьян, он бы в первую очередь подумал, какого черта обычный человек вышел за периметр. И вспомнил бы, что этого парня в городе никогда не видел. Он бы обратил внимание, что на сапогах у того дорожная пыль. Сделал бы определенные выводы.

Но он не подумал, не вспомнил, не обратил и не сделал.

– Да, это она, – угрюмо сказал Крувим и икнул.

«Какого дьявола ему надо», – подумал он.

– Сыграй еще, – попросил человек.

- А, пожалуйста, - сказал Крувим.

Несколько минут они сидели в полной гармонии. Музыкант и его слушатель. Человек смотрел так внимательно, кивал так одобрительно, что через некоторое время Крувим даже ощутил к нему смешанные, но теплые чувства.

- Ты расстроен. Расскажи, что случилось, - мягко попросил человек.

Его деревянные, но от того даже более проникновенные интонации завораживали.

- Я мудака, - сказал Крувим. - В этом вся проблема. Меня никто не хочет слушать. Ты первый, кому понравилась, как я пою.

- Ты поешь великолепно, - кивнул человек. - Не переживай. Из-за девушки, Крувим. Ты все сможешь. Преодолеть. Я вижу это.

- Твоими бы устами, - сказал Крувим.

Он не подумал о том, откуда незнакомцу известно его имя. Известно и известно. И про девушку - ну, может, догадался. А говорит странно - ну, может, устал человек или выпил тоже. Всякое бывает, подумал Крувим.

Вокруг постепенно темнело. Солнце уже спряталось за деревьями и светило оттуда сквозь лесную вечернюю дымку.

- Знаешь, - сказал человек, резко подавшись к Крувиму. - Почему тебя. Неинтересно слушать?

- Нет, - ответил Крувим зачарованно.

- Ты. Хорошо поешь. Но ты поешь. Безответственной болью. Ты не отвечаешь. За свою боль. Лучшие певцы человечества. Всех времен. Пели так. Что их слушали. Даже те. Кому они не нравились.

- Продолжайте, пожалуйста, - попросил Крувим, от волнения перейдя на «вы».

– Я могу научить тебя, – сказал человек.

– Научите, – отозвался Крувим.

– Тебя скучно слушать. Потому что ты. Не готов к смерти. Люди слушают. Только тех. Кто каждую секунду. Готов к смерти. Вспомни Клуб-27. Хотя бы. Каждый из них. Делом доказал. Что готов к смерти.

– Я согласен. Да что угодно. Научите. Я согласен, – проговорил Крувим.

– Тебе придется постараться, – грустно сказал человек.

Он положил Крувиму руку на плечо. Сквозь плотный стегач Крувим ощутил холод руки незнакомца. Вместе с холодом пришло небывалое, нездешнее, волшебное умиротворение.

5

Горбач

Горбач не считал себя боязливым парнем.

Он боялся только эмиссаров, клановых сквад-капитанов, стай собак, диких кочевников, голубей, заразиться чумой, мясника на Сигнальной улице и еще нескольких десятков вещей.

Еще он боялся опозориться.

– Отродья кусок, – почти ласково сказал сквад-капитан Колымцев. – К тебе обращаюсь, никчемное угребище.

Выведенный на построение сквад молчаливо одобрял капитанскую риторику. Горбач стоял в центре позорного круга – для тех, кто не выполнил боевую задачу, облажался на посту или проявил себя в битве с худшей стороны. Горбач

сгорал со стыда и несправедливой обиды.

День был не по-осеннему жаркий. Под кожаным клановым жилетом по его телу обильно струился пот. Но еще Горбач потел от страха.

Колымцев расхаживал вокруг него и тряс стеклом. Под расстегнутой офицерской курткой выделялись волосатая грудь и крепкий, поджарый живот, на котором Горбач насчитал минимум четыре шрама. Солнце отражалось от блестящих шевронов Колымцева и посылало в глаз Горбачу солнечные зайчики.

В сравнении с рослым офицером маленький и сутулый Горбач выглядел еще меньше. Клановый жилет топорщился у него на плечах. Худые руки были прижаты к бокам.

– Понимаешь меня, трусливый усерыш?

– Понимаю, господин капитан.

– Расскажи еще раз своим боевым товарищам, как ты подвел доблестный клан Хлеборобов, избравший тебя своим членом, что есть великая честь для такого тощего маленького усерыша.

– Я, это... – Горбач переступил с ноги на ногу и вытер пот со лба. – Я же уже...

– Не было команды хлебало вытирать! – заорал Колымцев и хлестнул его стеклом.

Горбач взвыл и затряс рукой. Ниже локтя появилась красная полоска, по предплечью заструилась кровь. Горбач едва не заплакал.

– Дядю твоего помню, – сказал капитан.

Он резко менял тему. С ним такое часто бывало.

– Что за боец! Красавец! Мы с ним вместе столицу Индиго брали, – продолжил Колымцев. – Катапультой стену проббили, едем на буханке к Дворцу Культуры. В машине десять человек. Элитный десант! У Дворца – княжеская гвардия. А у буханки лобового стекла нет. И гвардеец Индиго раз туда гранату! Десант орет!

А Корней гранату ногой подкинул, а другой ногой прямо через стекло обратно запулил! Мы его за это прозвали – Футболист. Завернули буханку, ведем бой с гвардией под прикрытием транспортного средства. Смотрю – а Ника-кретин магазины у позиций оставил. Стрелять нечем вот-вот уже скоро будет. Конеч, значит, блиц-операции устранения монарха. А дядя твой – сука, берсерк. У него с собой была бита с гвоздями, а на спине полицейский щит. Он берет Нику-кретина, втыкает ему в нагрудный карман фаер, поджигает и пускает бежать! Все равно бы ему расстрел за халатность полагался, а так хоть клану послужил. Гвардейцы с такого охренели малость, палят, не разбирая. Дядька твой зигзагами, щитом прикрываясь, за ним бежит. Нику, понятно, подстрелили, зато Корней гвардейцам строй сломал. Крутится, говорю, как дьявол, одному голову пробил, второму, третьему горло щитом разбил, четвертым укрылся, пока мы из буханки не выбежали на помощь. Он же и князя, и князеву жену из Дворца вытащил и разбил обоим головы своей битой. Живая легенда клана! Получил титул Великого Хлебороба. Вот каков Корней Горбатов был. Так скажи мне, я тебя прошу как родного, почему его племянником даже пол в бараке вытереть стыдно?

– Я не знаю, господин капитан, – ответил Горбач.

Он ответил сипло, потому что горло словно сжало тисками – так он пытался сдержать слезы обиды.

Корней Горбатов был действительно выдающимся бойцом.

Дядей Горбачу он приходился только номинально. Так-то разница в возрасте у них была небольшая, лет десять. После смерти отца Горбатова Корней взял на себя функции главы семьи. Он зарабатывал на еду, следил за домашней скотиной, построил сарай, вел все мужское хозяйство, делал карьеру в клане.

Соседи лицемерно радовались и втайне завидовали Горбатовым, которым удалось наладить полноценную общинную жизнь. Они даже смогли дважды подряд стать лучшим двором Красноармейска.

Чаще всего после потери отца семья медленно опускалась и в итоге оказывалась за периметром. А тут – посмотрите-ка, каков молодец, и быт наладил, и мальчугана воспитывает, и невестке помогает, и гвардеец уже, нельзя на такого парня нарадоваться. И веселый он, и рукастый, и земли клана защищает, и даже

не пьет совсем.

Соседи часто бывают слепы, потому что свет еще не видел более жестокого, невротичного, трусливого, безумного отморозка, чем Корней Горбатов.

У десятилетнего Горбача, которого тогда еще звали Сашей, был щенок бурой собаки по имени Прохоров.

Корней тогда совсем недавно переехал в Красноармейск из-за Урала и только начинал пускать корни в столице клана Хлеборобов. Горбач гордился, что у него такой бравый дядя. Корней приехал со своим автоматом. На свежем, хрустящем кожей клановом жилете уже появился первый знак отличия за битву с кланом Распутников. Корней белозубо улыбался, помогал маме – жене своего брата и постепенно заменял семье Горбатовых отца.

Как-то раз после школы Саша играл со щенком Прохоровым на глухом заднем двореке. Бросал ему палку. Чаще делал вид, что бросил, – тогда щенок беспомощно суетился, рыл носом кусты и звонко тьякал. В его больших глупых глазах были недоумение и обида.

Прохоров тьякал, тьякал и тьякал, хотя Саша просил его быть потише, ведь в этом же двореке на гамаке спал недавно приехавший с вахты Корней. Он проснулся от тьяканья. Саша хотел извиниться и увести щенка, но осекся, увидев взгляд Корнея.

На дне его зеленых глаз плескалось безумие, глубокое, как Байкал. Симпатичное скуластое лицо исказилось, уголки губ дергались.

– Где этот пушистик? – спросил Корней. – Где эта славная собачка?

Он вскочил с гамака и засвистел. Белки глаз покраснели от полопавшихся сосудов.

– Я так устал. Я просто хотел поспать, – сказал Корней. – Зачем ты меня доводишь, сука? Зачем вы все меня доводите?

Прохоров выскочил из-за куста и прыгнул на ногу Корнея. Пушистый хвост бешено мотался из стороны в сторону. Щенку хотелось играть.

- Вот ты где, - с облегчением сказал Корней,

Он свернул щенку голову и выбросил его за забор мощным броском. Затем лег обратно на гамак и заснул почти мгновенно.

Корней запугал сестру и племянника. Когда что-то шло не так, как ему хотелось, Корней сходил с ума и творил страшное. Корней жестко пресекал попытки усомниться в своем авторитете, не допускал возможности наличия у домашних своего мнения. Он мог вспыхнуть даже от невымытой чашки на столе. Если его доводил Саша, он окунал его в уборную головой. Если сестра - мог аккуратно двинуть ей по почкам, чтобы не оставить следов. Даже во время приступов Корней оставался по-звериному хитрым. Но самое ужасное было не в этом. Самое ужасное было в том, что Корней не видел в своем поведении никакой проблемы. Он удерживал молчание семьи страхом - клановому офицеру хорошая репутация в обществе помогает строить карьеру.

День, в который Корней без вести пропал на боевой операции к западу от Территории, Горбач решил сделать своим главным праздником и праздновать ежегодно. Еще он пообещал себе застрелиться, если станет таким же.

- Почему ты не такой же, уродище? Где эта горбатовская статья? - спросил Колымцев. - Где этот кураж, лихость? Эмиссар пристрелил Рыжего с Серегой, убрал своего висельника, собрал вещи и ушел вприпрыжку. Ты что в это время делал? Дрочил вприсядку?

- Никак нет, господин капитан, - сказал Горбач.

- А что ты делал?

- Я исполнял...

- Залупу ты с горчицей исполнял, - сказал Колымцев. - Знаешь, что ты делал, Горбатов? Давай я тебе объясню, что ты делал. Строю слушать внимательно. Встали ровно!

Строй встал ровно. На плацу припекало все сильнее. Горбач оглянулся и увидел на лицах боевых товарищей жадное предвкушение вперемешку с облегчением. «Хорошо, что это не я». Ни одного намека на жалость или сострадание.

Горбач в очередной раз подумал, что ошибся в выборе профессии. Ему всегда хотелось, чтобы люди его любили или хотя бы немного уважали. На землях Хлеборобов нет ничего престижнее службы клану.

Колымцев медленно прошелся вдоль строя, помахивая стеклом. Единственное, что хотел сделать Горбач в этот момент, – дать ему подножку, чтобы упал, пнуть сапогом в голову, плюнуть на спину, расплакаться и убежать отсюда.

– Давай я тебе объясню, что ты делал, – повторил капитан. – Ты зассал. Ты уронил честь клана. Ты, Александр Горбатов, просто маленькая девочка. Маленькая девочка в оборочках. Понял меня? В оборочках, я сказал. Теперь тебя все будут звать девочкой. Маленькой, напуганной девочкой. Ты теперь Александра Горбатова. Не ссы, солдат ребенка не обидит. Знаешь, что солдаты делают с напуганными девочками? Утешают. Как умеют. Отряд! Вы же утешите нашу Сашеньку?

– Утешим!

– Приголубим!

– Видишь, какие у тебя товарищи? Хорошие. Они станут еще добрее, когда за твой косяк весь сквад раком встанет, – сказал Колымцев и подмигнул.

«Мама единственная называла меня Сашенькой, – подумал Горбач. – Но мама же умерла». Горбач только что понял, что больше его никто и никогда не защитит.

– Не называйте меня так, – сказал он тихо.

– Ты чего вякнула? – удивленно спросил Колымцев.

– Я сказал, не называйте меня Сашенькой, сквад-капитан, – ответил Горбач. – Я служу клану, как и вы, и требую уважительного отношения.

– Вот это новости. Ты почему так хочешь, чтобы я тебе руку сломал? – с жалостью спросил сквад-капитан.

– У вас сломалка еще не отросла, – сказал Горбач.

Он почувствовал, как внутри него что-то ухнуло в бездонную пропасть. Раньше под ложечкой сосало, теперь там стало пусто, как в воронке.

До этих слов отряд наблюдал сцену весело, со смешками и переговорами. После последней фразы сквад вытянулся по струнке. Над плацем повисла зловещая тишина. Стало слышно, как Колымцев медленно почесывает расписанный шрамами живот. Скоро он перестал. Тишина была такая звонкая, что била по ушам. В строю кто-то судорожно вдохнул, не выдержав напряжения.

Сквад-капитан задумчиво пожевал кончик своего стека. Зубы у него были крепкие и желтые от табака.

– Считай, что с сегодняшнего дня начинается твой собственный ад, Александр, – сказал он. – До этого я с тобой шуточки шутил. Seriously, я сделаю твою жизнь такой, что живые обосрут и позавидуют мертвым. Каждый твой день будет хуже предыдущего, а каждую ночь ты будешь молиться, чтобы это кончилось. Но это не кончится никогда. В какой-то момент ты решишь, что я тебя простил. И расслабишься. Как только ты расслабишься, я буду здесь и принесу десерт. Ты сгниешь. Рано или поздно тебя вытащат из петли. Я сделаю все, чтобы тебя вытащили живым и вернули сюда. Я понятно изъясняюсь?

– Да, – сказал Горбач мертво.

– Чтобы мой десерт был еще слаще, сегодня я тебе ничего не сделаю, – сказал Колымцев. – Горбатов, я объявляю вам внеочередной отгул, чтобы вы отдохнули от стресса, который перенесли во время обсуждаемого инцидента на посту через Скалбу. Отдохни, боец. Твоя служба будет долгой. Можешь идти.

Горбач развернулся и пошел с плаца.

«Мне конец», – подумал он.

Он шел и не понимал, чего ради только что разрушил свою жизнь. Вернулся страх, и он почувствовал привычное сосание под ложечкой и дрожь в коленках.

«Господи, чем я думал? Я вообще чем-то думал?»

Однако под слоем страха, неуверенности и обиды где-то в глубоких резервах сознания затлел огонек гордости – едва уловимый. Горбач не совсем понял, что именно его согревает, и удивился этой перемене.

От мыслей его отвлек мощный удар в спину. Словно кто-то коротко разбежался и пробил ногой точно между лопаток. Горбач всплеснул руками и плашмя упал на влажную от вчерашнего дождя грязь. За спиной раздался хохот Колымцева.

– Я передумал и решил начать сегодня, – сказал он.

Горбач встал, не выдержал и заплакал. Так, размазывая слезы и грязь по лицу, он и убежал с плаца под звонкий смех капитана и оглушенное молчание его сквада.

Он пробежал несколько кварталов, пока не выдохся. Лопатки после удара ныли дьявольски. Горбач попытался вытереть лицо от грязи, но только размазал ее сильнее.

Солнце садилось над Красноармейском, столицей клана Хлебоборов, самого сильного из великих кланов Подмосковья. Элемент этого клана брел по загаженной боковой улице в неизвестном направлении и считал, что жизни конец.

Он услышал собачий лай.

У двухэтажного нежилого дома на куче покрышек у стены сидела девочка. Вокруг нее гарцевала стая собак – штук восемь клыкастых тварей. Собаки были облезлые, худые и злые. Они по очереди налетали на кучу покрышек и пытались зацепить девочку. Та, бледная от ужаса, отбивалась деревянным прутом.

На гору налетел самый крупный кобель из стаи. Бурый пес. Куча покрышек начала расползаться от его напора. Девочка вскрикнула – гора под ней потеряла

устойчивость. Еще несколько наскоков – и покрышки расползутся окончательно.

Оценив ситуацию, Горбач содрогнулся. Он подумал было уйти, пока девочка его не заметила. Если она позовет на помощь, убежать будет совсем стыдно. Но и бороться с дикой стаей тоже невыносимо. Они просто его порвут.

Не переставая думать о скорой смерти, он подобрал камень и бросил в стаю. Камень стукнул по хребту одну особенно визгливую тварь, и та заскулила. Стая немедленно развернулась и оценила расклад сил. Бурый вожак отстал от горы покрышек и бросился на Горбача. Горбач выдернул из-за спины клановую дубинку – резную метровую палку из крепкого дуба со стальным набалдашником.

«Да что со мной? Я всегда боялся собак. Кроме Прохорова», – подумал он.

Когда вожак приблизился, Горбач коротко размахнулся и сильным ударом наотмашь свернул псу челюсть на сторону. От толчка того отнесло на пару метров. Пес быстро вскочил и так же быстро побежал обратно, обиженно подвывая. После короткого раздумья стая рванулась за ним.

Девочка внимательно смотрела вслед собакам. Потом поглядела на свой прутик и выбросила его. Она попыталась слезть с горы покрышек, но застряла ногой и едва не упала.

Горбач спрятал дубинку, подошел к девочке, молча взял ее под мышки и аккуратно поставил на землю.

Девочка как девочка. Цветной платок на голове, из-под него выбиваются русые прядки. Лицо симпатичное, курносое. Чумазая – верно, помогает по хозяйству или где-то на производстве. Розовый пуховичок с двумя заплатками – жарковато. Она смотрела на Горбача, и в глазах был восторг.

– Надо было в окно лезть, – сказал Горбач. – Вон же решетка.

– Я не заметила, испугалась сильно, – ответила девочка смущенно.

– Ладно, беги домой. Не гуляй больше в нежилых кварталах. Тут всякая дрянь бывает.

– Я строила покрышечный форт, – сказала девочка. – Дома ругаются, что всякую дрянь тащу, а тут нет никого... собаки только вот.

– Позови с собой взрослых в другой раз, – строго сказал Горбач. – Или хоть пугач у отца возьми. До дома доберешься?

– Я забыла, где дом, – растерянно сказала девочка. – А, нет, вспомнила!

– Тогда топай.

Девочка переминалась с ноги на ногу.

– А вы боец клана? – спросила она.

– Я никто.

– Вы кто. Вы очень храбрый, – сказала девочка.

– Ха, – сказал Горбач.

Сделав комплимент, девочка застеснялась, покраснелась, подхватила свой прутик и убежала.

Горбач пошел прочь, к периметру, подальше от людей. Он искал самый глухой угол города. Нашел пустую сторожку в сотне метров от периметра. Внутри был тюфяк, который совсем немного вонял плесенью. Тут же нашлось и одеяло. Горбач завернулся в него, рухнул на тюфяк и заснул.

Ему снились тяжелые и мрачные сны. Словно город опустел, превратился в зубастый лабиринт. Все люди ушли из города, но кто-то остался в нем, и этот кто-то искал Горбача. Щербатый лабиринт из разбитых окон и корявых деревьев сжимал вокруг него концентрические кольца. Во сне Горбач вскрикивал и убегал, но от кого – наутро не вспомнил.

Он проснулся ранним утром. Солнце едва пробивалось сквозь мутное стекло сторожки. Хотелось отлить и поесть. Горбач потянулся, открыл глаза и увидел патруль. Трое рослых бойцов клана с интересом разглядывали его. Один из них, носатый детина с детским большеглазым лицом, потыкал лежащего в спину дулом автомата. Горбач глухо застонал – лопатки все еще болели после прощального подарка от сквад-капитана.

– Горбатов? – спросил детина. – Из западного сектора?

– Так точно, – сказал Горбач устало.

– Мы тебя арестуем.

– За что? В этой сторожке спать нельзя?

– Телега от вашего капитана. Самовольно покинул расположение в служебное время, ушел куда-то. В зиндан пойдешь, Горбатов, – сказал детина с сожалением.

– Сукин кот, – сказал Горбач.

– Я? – удивился патрульный.

– Нет, капитан.

– Это правда, – согласился патрульный. – Ваш Колымцев еще то говно. Но в зиндан ты все равно пойдешь. Нет такой директивы, что если капитан говно, то можно за самоволку в зиндан не ходить. Порядок должен быть.

– Он же мне сам увольнительную дал, – грустно сказал Горбач.

– Увольнительную, хренительную, нам без разницы, ориентировку получили, офицерский запрос. Поднимайся, – сказал детина.

Он настойчиво потыкал Горбачу между лопаток дулом.

– Я уже встал.

– Слышь, Горбатов.

– Да?

– Есть сигареты?

– Я не курю.

– В Красноармейске сигарет почти не осталось, – со вздохом сказал детина. – Что за херня со снабжением? Столица называется. Говно, а не столица. Раньше с запада сигареты были, а сейчас, говорят, на псковской трассе беда какая-то. Товарняки не проходят. Мне наш капитан рассказывал, что полковник Брин говорит князю, мол, давайте у Распутников закупим. А князь ему говорит, давай ты моего богатыря почмокаешь. Верховный Совет! Лучшие люди клана. Князю-то хорошо, он сам не курит.

– Князю хорошо, – согласился Горбач. Он не особо вслушивался в бормотание патрульного.

Утренний Красноармейск встретил прохладой. Патруль, сонный и добрый, вел Горбача через город вчерашним маршрутом в расположение его сквада. Около КПП стоял подтянутый Колымцев и дымил. Увидев Горбача, он радостно всплеснул руками:

– Потерялся! Спасибо, ребята, что нашли! Какой номер патруля? Отпишу благодарность вашему капитану. Спасибо, бойцы!

Патруль синхронно приложил правую руку к левому плечу. Колымцев ответил тем же. На том распрощались.

– Очухался, родной? – спросил капитан, когда патруль удалился. – Ну, заходи, заходи. Служить пора. Думаешь, накажу тебя?

– Да, – сказал Горбач.

– Да брось, Саша, брось, – рассмеялся Колымцев. – Погорячился я. Я человек горячий, да отходчивый. Ты же знаешь.

«Нет. Ты скользкий, хитрый, обидчивый, властный, злопамятный, жестокий психопат», – подумал Горбач.

– Так точно, господин капитан, – сказал он.

– Я почему ориентировку выслал? Испугался, что ты убежишь и глупостей понаделаешь, – сказал Колымцев.

Он положил руку Горбачу на плечо. Того передернуло. Лучше бы ему на плечи положили голодную анаконду. Сквэд-капитан и его боец пересекли плац и пошли в сторону барачков. Едва они оказались за барачками, Колымцев спросил:

– Неужели поверил во все эти пугалки вчерашние мои? Напугался, правда? Думал, буду тебя наказывать за то, что глупость ляпнул? Нет, ты честно скажи. Подумал так?

– Никак нет, господин капитан, – сказал Горбач.

– Зря, – сказал Колымцев и ударил Горбача в живот.

Тот скорчился и повалился. Колымцев ритмично пинал его в живот тяжелым сапогом. Потом достал свою клановую дубинку – бойцам в чине капитана полагалась дубинка с цельнометаллическим сердечником, утяжеленная. Носком сапога Колымцев отбросил руку стонущего Горбача и перебил ее одним точным ударом.

Горбач заорал. В руке будто взорвалась бомба. Что-то глухо хрустнуло и закрипело. Мир вокруг побелел от боли.

– А теперь тебе нравится моя сломалка? – спросил капитан. – Достаточно отросла? Или еще отрасли?

Горбач простонал в ответ.

– Как неудачно упал, бедолага, – сказал Колымцев. – Под ноги надо глядеть. Ладно, сейчас ребят позову, отнесут тебя в лазарет. А оттуда в зиндан. Почему в мире так много жестокости, Горбатов? Молчишь? А, ты сознание потерял. Ладно, давай не болей.

Он пнул Горбача в живот на прощанье и легким прогулочным шагом ушел в сторону офицерского корпуса.

Наступила ночь. Очнулся Горбач уже в зиндане – узкой бетонной яме. Вместо люка была приварена железная дверь с решеткой. Встать в полный рост было нельзя, лечь – тоже, размеры не позволяли. На руке Горбач обнаружил шину и бинты. Странно, что рука болела не очень сильно. Видимо, добрая Наташа в лазарете вколола конскую дозу обезболивающего. Немного тошнило, в голове было мутно. Интересно, рука сломана или это просто трещина?

Сначала Горбач не понял, проснулся он или все еще спит.

До решетки зиндана доносились отчаянные крики – мужские и женские. Грохотали выстрелы, кто-то зычным голосом отдавал команды, но внезапно заткнулся и захрипел. Сквозь решетку Горбач видел только кусочек ночного неба и всполохи огня.

С городом происходило что-то неладное.

Три. Научи меня искусству маленьких шагов

Принц-защитник рос маленьким и слабым. Его постоянно водили в детскую поликлинику для принцев-защитников. Он болел абсолютно всем, его мог обидеть даже уличный кот. Врачи разводили руками – ничего тут не поделаешь. Ваш принц-защитник никого не сможет защитить.

От этого принцу-защитнику было немного обидно. Он всегда помнил, что он маленький и слабый. Принц-защитник носил с собой пенал с разными таблетками, спрей от астмы, капли для глаз и тысячу разных предписаний. Не лазить высоко, не драться, не пить воду из-под крана. Надевать шапку. Даже ранней весной, когда так принято снять ее и распахнуть куртку по дороге домой

из школы для принцев-защитников.

Ты слушаешь? Не спи.

Принц-защитник рос, но все равно оставался маленьким, худым и болезненным. Мама и папа следили за каждым шагом. Однако нельзя оберегать всегда и от всего. Можно оберегать недолгое время от всего. Или долгое время от чего-то. Но всегда и от всего? Ни у кого не выходило.

Однажды принц не выдержал и убежал. Без шапки и таблеток он сел на подмосковную электричку, доехал до платформы с неизвестным названием, вышел в чистое поле и увидел настоящую корову.

Настоящую, ты понимаешь, корову. С выменем и всеми делами. Ее можно было потрогать, она была шершавая. Вокруг пахло навозом, но и лугом пахло. Принц-защитник захотел побежать в это поле вместе с коровой. Ему давно обещали на природу, но каждый раз откладывали из-за аллергии.

Король и королева нашли его поздно. Он заснул в поле между коровьих лепешек и цветов. Как же ему влетело, ты себе такое даже представить не можешь. Его наказали очень строго. Король орал, как простолюдин.

Король потом сильно жалел об этом. Правда. Он не понимал, насколько это важно для принца, а принц не умел ему объяснить. Они не разговаривали месяц или даже больше. Принц разговаривал только с тополем, растущим рядом с их замком. Король ждал, что принц извинится, но не дождался. Он думал извиниться сам, но не решился. Он тоже не умел объяснить.

Но он правда жалел.

Горбач

Горбач впервые столкнулся с такой атакой. Это пришли Распутники? Но почему все так дико кричат? Почему так сильно пахнет гарью и видны всполохи – разве сумели бы так быстро пробить фортификации?

Что-то грохнуло о крышку зиндана. Прямо перед лицом уткнувшегося в решетку Горбача упала рука с гербовой клановой татуировкой на запястье и стальным обручальным кольцом на безымянном пальце. По указательному пальцу бежала струйка темной крови, похожая на маленькую змейку.

После этого в решетку заглянул человек с сероватым лицом. Посмотрев ему в лицо, Горбач ощутил на спине липкий пот. Человек улыбался, но глаза его оставались неподвижны. Кажется, он был голый. Горбач долго не мог прервать зрительный контакт. Глубокие глаза без белков зачаровали его. Периферийное зрение медленно гасло и сужалось, края решетки и небо за головой человека расплывались. Наконец в фокусе остались только бездонные черные глаза и мертвая улыбка. Горбачу очень захотелось улыбнуться в ответ, открыть дверь и выйти навстречу этому человеку.

Рядом грохнула граната. Морок пропал. Тогда человек протяжно запел на одной ноте. Горбач завизжал и отпрянул от решетки.

Дикий эмиссар. Настоящий дикий эмиссар. В Красноармейске. В центре города. «Мать твою за ногу», – подумал Горбач.

Прострелотала автоматная очередь. Эмиссар мотнул головой и скрылся из поля зрения. Через несколько секунд Горбач сквозь звуки боя и рев огня расслышал чей-то хрип. Совсем рядом.

Эмиссар закончил свое дело и вернулся. Он снова глядел в решетку и улыбался. Наученный горьким опытом Горбач не смотрел в глаза твари и только бормотал «иже еси». Других молитв он не помнил.

Тогда эмиссар схватился за решетку и потянул ее на себя. Потом встал, отошел и с грохотом ударил в дверь плечом. Толстая железная дверь прогнулась. Эмиссар снова ухватился за решетку – штыри заскрипели. Снова с размаха ударился в дверь.

Бух. Хрыть. Бах! Хрыть.

Горбач молился и благодарил клановых военных за крепкие люки в зинданах.

«У меня даже оружия нет, все забрали, – подумал он. – Да и что бы я сделал? Разве что застрелиться».

Эмиссар немного разогнул прутья и смог просунуть в них кисти рук. Пальцы слепо шарили в воздухе. Его жесты были странными, ломаными, словно у марионетки в руках неумелого мастера. Пальцы двигались дергано, вразнобой, без логики.

Бух! Хрыть.

Горбач прикинул, что у него есть где-то полминуты. Интересно, за это время реально разбить голову о бетонный уголок? Стоит попробовать. Горбач не хотел знать, что будет, когда эмиссар пробьется сквозь люк и доберется до него.

Эмиссар неумоимо гнул прутья и бился в дверь, как таран. Путья поддавались. Он уже смог засунуть свои белые голые руки почти по плечо. Конечности ломано двигались в разные стороны, словно в них не было суставов. Они шарили в поисках Горбача. Тот, задержав дыхание, вжался в дно бетонного гроба и молился.

Неужели рядом никого не осталось? Господи, пошли хоть кого-нибудь, пусть пристрелят эту тварь! Да хоть Колымцева пошли! Неужели тут никого не осталось?

Эмиссар не нуждался в отдыхе. Человек бы уже выдохся, но улыбчивый манекен долбился в дверь и гнул прутья решетки без передышки. Горбач отважился открыть глаза и посмотреть на решетку. Два центральных прута эмиссар уже выломал и просунул в зиндан голову. Голова рывками прокрутилась на сто

восемьдесят градусов, словно эмиссар сканировал пространство. Он не переставал улыбаться и протяжно петь на одной ноте.

Горбач тут же зажмурился обратно. Говорят, дикие эмиссары гибкие, как кошки. Если тварь выломает все прутья, то просвета ей как раз хватит, чтобы вкрутиться в зиндан. И оказаться в маленьком бетонном кубике один на один с Горбачом. Интересно, какой из своих целей тварь добьется раньше – выломает все прутья решетки или выбьет дверь целиком?

«Если начнет пролезать, разобью себе голову об угол», – решил он.

Еще один прут заскрипел и вылез из решетки. Эмиссар продолжал петь.

– Пошел прочь! – крикнули снаружи.

Тонкий детский голос вывел Горбача из ступора.

Эмиссар оторвался от своего занятия и повернул голову в сторону кричащего ребенка. Горбач узнал этот голос. Владелица покрышечного форта.

– Отвали от него! – крикнула девочка.

– Беги отсюда! – крикнул Горбач в ответ. – Беги скорее!

– Нет, я за вами пришла, – сказала девочка.

Горбач услышал треск огня. Судя по звуку, девочка приближалась к зиндану. Мелькнула вспышка – Горбач увидел пролетевшую горящую головню. Девочка бросалась огнем в эмиссара, который невозмутимо рассматривал ее, сидя на крышке люка.

Головня стукнула эмиссара в плечо и упала, рассыпав искры. Он прекратил петь и протяжно заворчал.

– У меня тут целая бочка, я тебя сожгу! Пошел вон! – крикнула девочка снова. – Пошел отсюда! Фу!

Ее голос дрожал и срывался.

В эмиссара полетела еще одна головня. Сквозь решетку Горбач увидел, что она стукнула его в лицо. Волосы эмиссара загорелись.

Девочка приближалась, и тварь задержала конечностями в своем рваном ломаном ритме. Если бы на этом лице были возможны эмоции, Горбач решил бы, что тварь нервничает. Причем не только от огня, но и от близости ребенка. Наконец эмиссар скрылся из поля зрения Горбача. Насколько тот мог судить, не в сторону девочки, а наоборот, прочь от нее.

- Правильно! Вали отсюда, гадость, - сказала девочка гордо.

Она склонилась над люком зиндана и заглянула в решетку. Горбач никогда не испытывал большей радости при виде обычного человеческого лица.

- Вы чего тут сидите? - спросила девочка.

- Тут прохладно, - сказал Горбач. - Спасибо тебе.

- И ничего особенного, - сказала девочка и покраснела. - Почему вы не вылезаете? Весь город бежит.

- Меня заперли, - признался Горбач. - Тебе тоже надо бежать с остальными. Как можно быстрее. Если встретишь бойцов клана, скажи, что они забыли Горбатова в зиндане. Они вернуться и помогут мне. Давай беги.

«Никто не вернется», - подумал он.

- Да никто не вернется, - вздохнула девочка. - Тут уже и нет никого почти. Я вам пирог принесла вчера. Дядька на входе говорит, что вы в яме сидите. Не поняла, зачем вы в яме сидите, но он сказал, что к ночи вас выпустят, наверное. Я ушла и снова пришла. А тут эти гадости, все горит, все стреляют и убегают.

- Я не могу вылезти, - сказал Горбач. - Тут очень крепкий люк. Видишь, даже эта тварь не смогла выломать. Его надо ключами отпирать.

«Или позвать эмиссара обратно, чтобы тот доломал дверь, а потом снова прогнать его, – подумал он. – Господи, что за бред».

– А где ключи? – спросила девочка. – Я найду и открою вас.

– С ума ты сошла, что ли? – удивился Горбач. – Беги скорее, тут нельзя, ты чего? Я пока посижу. Ребята с автоматами вернутся и спасут меня, обязательно, а тебе...

Он замолчал, заметив скептический взгляд.

– Скажите, где ключи, – сказала девочка и упрямо сжала губы.

– Ты просто так не отстанешь, да? – спросил Горбач.

– Нет, – сказала девочка.

– Я скажу. Только беги быстро, постоянно двигайся. И огонь держи поближе. Если увидишь тварь, то сразу убегай. Прямо сразу. Не надо ко мне возвращаться. Меня спасут потом. Слева от плаца – офицерский корпус. Заходишь в него, там справа стойка. На стенке доска висит, в нее ключи всякие воткнуты. Ищи большой, с красным поплавком. Он от зиндана.

– От чего? – спросила девочка.

– От этой ямы, – ответил Горбач. – Беги скорее.

– Убежала, – сказала девочка.

– Если что – сразу уходи! – крикнул Горбач ей вслед.

Девочка ушла. Горбач подумал, что даже не узнал, как ее зовут, и от этой мысли сразу стало как-то совсем погано на душе. Если она не вернется, то ему придется жить с этим до окончания дней. Даже не зная, как ее звали.

Хотя, если она не вернется, окончание его личных дней придет очень скоро, подумал Горбач и немного успокоился.

Время шло. Травмированная рука ныла, кожа под шиной отчаянно чесалась. Горбача мучили голод и жажда. Он плевал на эти досадные моменты – сидел на дне бетонной ямы и внимательно прислушивался к звукам. Стрекот автоматов отдалился. Его все еще было слышно, но все слабее. Других не слышно вовсе: ни пения кукол, ни голосов людей. Темное небо над решеткой подсвечивало огнем. До зиндана доносился запах гари и крови. Красноармейск горел, но это уже не могло отпугнуть волну диких эмиссаров. Прошло около двадцати минут, звуки постепенно стихали.

Горбач дико боялся услышать монотонное пение.

– Я нашла! – крикнула девочка.

– Не кричи, пожалуйста, – попросил Горбач. – Твари могут услышать.

– Я нашла, – повторила она.

Ее лицо над решеткой светилось радостью. Она весело помахала большим ключом с красным поплавком.

– Умница, – сказал Горбач. – Скважина слева, поищи. Она кусочком брезента прикрыта.

Девочка с усилием вставила ключ в замок. Она пыхтела, но ключ не поворачивался в замке, только лязгал и скрипел. Радость медленно уходила с ее лица.

– Эта гадость помяла дверь, тут весь замок перекособочило, – сказала она. – Ключ не вставляется до конца! Не вставляется, и все тут! Не крутится! Простите меня, пожалуйста! У меня сил не хватает вставить ключ! Дурацкая дверь!

«Значит, конец. Значит, все», – подумал Горбач.

– Ничего страшного, – сказал он спокойно. – Солдаты меня спасут. Мы ведь скоро отвоюем Красноармейск обратно, правда?

– Неправда, – сказала девочка. – Ничего мы не отвоюем! Тут все ушли.

– Отвоюем. Я взрослый, я лучше знаю, – сказал Горбач.

– Если вы такой взрослый, почему вас в яму посадили? – сказала девочка.

«Даже ответить нечего», – подумал Горбач.

– Я тебе потом расскажу, когда все нормально будет, – сказал он. – Не спорь. Дай мне, пожалуйста, эти ключи на всякий случай. Вдруг за мной придут, я им ключи дам, вдруг получится. Потом найду тебя. Беги скорее, пока город весь не ушел.

– Я лучше еще попробую, – сказала девочка, подумав.

Она снова зашуршала ключом в замке. «Упрямая мелкая бестолочь», – подумал Горбач.

– Слушай, я не очень с детьми умею разговаривать, – сказал он. – Я не знаю, стоит ли материться при детях, хотя очень хочется, и как вот этих самых детей надо в чем-то убеждать. У меня своих пока нет.

– Какие ваши годы, – заметила девочка.

Она продолжила шуршать ключом. От напряжения вспотела и покраснелась.

Горбач вздохнул. Кажется, придется призвать на помощь все свое небогатое красноречие. Как заставить девчонку бежать отсюда? Если придут эмиссары, то конец обоим.

– Дело не в этом. Просто беги, пожалуйста, к обозам. Здесь очень опасно. Ты смогла прогнать одну тварь, но если их сейчас придет десять? Они нас обоих убьют. Ты очень хорошая девочка, ты мне очень помогла, отогнала эмиссара. Считай, мы в расчете за тех собак.

- Вы дурак какой-то, - сказала девочка.

«И правда дурак», - подумал он.

- Представляешь, каково мне будет, если из-за меня тебя убьют? - спросил Горбач.

Девочка услышала его и на секунду замерла. В тот же момент ключ с хрустом вошел в скважину, и она едва не упала.

- Вошел! - завопила она.

- Ура! - заорал Горбач.

На эмоциях он попытался потрясти кулаками в победном жесте, но охнул и опустил травмированную руку.

- Крутится! - сказала девочка с восторгом.

- Ты молодец!

- А вы говорили - беги, беги, - сказала девочка.

- Я все равно был прав, - сказал Горбач.

- Нет.

- Да что же ты все время споришь? - спросил Горбач.

В ответ девочка только глубоко вздохнула.

Погнутая дверь не сразу раскрылась. Еще несколько минут Горбач с девочкой общими усилиями пытались выбить ее из коробки - хоть и открытую, но плотно застрявшую. Девочка тянула дверь на себя, а Горбач, как атлант, толкал ее снизу. От нервов и усилий девочка выглядела изнуренной и дышала тяжело, словно долго бежала.

– Сейчас бы обратно тварь эту, – сказала девочка и хихикнула. – Чтобы с дверью помог.

– Он бы ее быстро выбил, – согласился Горбач из-за решетки. – Стой, стой! Поддается! Отойди от двери, я толкну.

Железная крышка распахнулась. Горбач наконец-то выпрямился в полный рост – спину заломило. Он вздохнул, втянув в себя запах гари и огня.

Плац выглядел грустно. Офицерский корпус уцелел, но хлипкие бараки выгорели почти полностью. Хозблок горел до сих пор – в воздухе отчетливо пахло химикатами. Горбач насчитал восемнадцать трупов. Кто-то задушен, на их шеях красные следы. У некоторых не было глаз, словно кто-то выдавил их пальцами. Тот парень, чья рука упала на крышку зиндана, с татуировкой, лежал и смотрел в небо. В остекленевших глазах застыл ужас. Рот был разорван, будто кто-то ухватил его за подбородок и лоб и потянул в разные стороны. Глаза отсутствовали. Нижняя челюсть неловко лежала на ключице. Горбач узнал Васнецова, смешливого усатого бойца из пятого сквада. Васнецов недавно женился, вспомнил Горбач.

Он еще раз оглядел поле боя, и его затошнило. Голова закружилась, он зашатался. Упал бы, но девочка подхватила его сбоку. Горбач обнял ее за плечо здоровой рукой.

Они пошли в сторону восточного сектора. Двигались украдкой, по стенке, постоянно смотрели по сторонам. Несколько раз в отдалении ломаным шагом проходили эмиссары. Они не всегда замечали живых людей – в городе еще слишком много беспокойного, чтобы пристально вычленять отдельное. Но Горбач был уверен, что скоро город дотлеет. Тогда Стазис окончательно накроет его, превратит в свою территорию.

Один эмиссар заметил Горбача с девочкой и запел, готовясь к атаке. Но на полпути сменил ноту и развернулся – сначала торсом, потом тазом. Он побрел обратно, неровно подволакивая ногу и при каждом шаге вскидывая в воздух серые руки. Неизвестно, что его напугало. Ребенок или маленькая тележка с горящими головнями, которую ребенок упрямо тащил с собой.

Из расположения Горбач захватил офицерскую клановую дубинку и пистолет с двумя обоймами. Можно было взять автомат, но однорукому бойцу стрелять из автомата неудобно. Для девочки они взяли в арсенале маленький арбалет с пистолетной рукояткой и коробку болтов. Девочка увлеченно вертела в руках ладный маленький арбалет, и ее взгляд становился мечтательным.

Сначала шли медленно, потому что несколько раз Горбач останавливался поплевать. Девочка смотрела с жалостью, а Горбач на нее – с удивлением. Железные нервы у ребенка. Пару раз при виде истерзанных тел Горбач едва не терял сознание. Когда начинало качать, девочка сильно тыкала его в бок, чтобы пришел в себя. Чем дальше они шли на восток, тем менее печальной становилась картина разрушений. Горбач заметил даже несколько живых людей. Если повезет, они не сильно отстанут от эвакуационных обозов.

– Слушай, – сказал Горбач, когда до границы восточного сектора оставалось всего ничего. – Ты говорила, что приходила ко мне.

– Да, – смущенно сказала девочка.

– С пирогом, – уточнил Горбач.

– Ну да. Сама пекла, – сказала девочка.

– Он у тебя не с собой? – спросил Горбач.

– Вы разве есть хотите? – удивилась девочка. – Я думала, у вас аппетита нет.

– Я сутки ничего не ел, – признался Горбач. – А он с чем у тебя?

– С крысой, – сказала девочка гордо.

– Хотя знаешь, подождем до обозов.

– Да с печенью он, – сказала девочка и захихикала.

– С тобой не соскучишься, – заметил Горбач недовольно.

Из-за пазухи куртки она достала небольшой сверток и протянула его Горбачу. Он аккуратно развернул его, стараясь не потревожить перебитое предплечье. Пирог невероятно вкусно пах. Сверху на тесте девочка изобразила розочку. Горбач аккуратно отломил половину, оставшуюся половину снова завернул и протянул девочке.

После всех волнений обычный пирог показался Горбачу самым вкусным, что он ел на свете. Умял кусок за полминуты, стараясь не уронить ни крошки.

- Очень вкусно. Ты прямо мастерица. И форты строишь, и пироги печешь. Спасибо, - сказал он.

- Я еще стреляю хорошо, - сказала девочка и погладила рукоять арбалета.

- А с чьей печенью испекла, кстати? - спросил Горбач.

- Крысы, - сказала девочка.

Горбач остановился и сглотнул. Девочка, внимательно следившая за его лицом, снова засмеялась.

- Почему вы такой доверчивый? - спросила девочка.

- Я совсем не доверчивый, - сказал Горбач. - Нет, погоди. Честно, печень крысы?

- Ох, - вздохнула девочка. - Вы когда-нибудь крысу видели? Сколько той крысы? Знаете, какая у нее печень маленькая? Это что же, надо сто крыс для пирога поймать?

- И то правда, - успокоился Горбач.

- Хотя бывают очень большие крысы, - девочка развела руками, - вот такие, прямо огромные. Хвост - метр. Сама - метр. Зубы, как у волка.

- Не приходилось встречать, - сказал Горбач. - Не случалось такого везения.

– Мне тоже. Но мне рассказывали. Линка видела такую. Она кота зажевала и убежала. Не Линка, а крыса.

– Так с чем был пирог?

– С крысой.

– Господи, дай мне сил, – попросил Горбач.

Девочка засмеялась. Но вскоре замолчала.

Около восточных ворот обозов не оказалось. Но сами ворота смяты и растоптаны, на дороге виднелись отчетливые следы шин и колес от телег. Следы совсем свежие. В ночном воздухе еще плясала пыль. Если повезет, то нагоним, решил Горбач.

На привратной вышке стоял солдат и палил в воздух из автомата. Он давал короткую очередь и хохотал. И снова, и снова.

– Всем елдец! – смеялся солдат.

Автомат в его руках ходил ходуном.

– Эй, привет, друг! – Солдат заметил Горбача и помахал рукой. – Тебе тоже елдец!

– Нет, спасибо, – пробормотал Горбач.

Он сделал полшага вперед, чтобы прикрыть девочку от автоматчика.

– Чего говоришь? – радостно спросил боец.

Горбач взгляделся и узнал в стрелке большеглазого детину из патруля.

– Я тебя знаю, патрульный! – крикнул Горбач. – Ты меня вчера из самоволки привел! Спускайся! Нагоним обозы! Пойдем, не дури!

– Я туда больше никогда не спущусь, там елдец, – сказал боец и засмеялся.

Он снова дал очередь в воздух и заухал, как сова.

– Брось, патрульный! Внизу спокойно! Скинь мне автомат и спускайся, пойдём вместе! – крикнул Горбач.

– Они везде, – сказал боец. – Ты не видишь, а я вижу. Они везде, друг! Везде! Я говорю, везде!

– Посмотри сам, тут никого! Спускайся, брат! Посмотри сам! Никого тут нет, где они? Нет их! Спускайся!

– Прямо за тобой стоит, – негромко, но отчетливо сказал боец.

Он неловко упер ствол автомата в кадык и выстрелил одиночным. Кровь брызнула темным фонтанчиком. Патрульный повалился на дно кабины. Девочка взвизгнула. Горбач тоже.

Он похолодел и медленно развернулся, здоровой рукой снова оттеснив девочку за спину.

В нескольких метрах стоял человек в плаще и капюшоне, обшитом брезентом. Город тлел, улицы затягивало туманом. Луна подсвечивала сгорбленный силуэт человека сквозь дымку. Горбач похолодел. Серое лицо человека не выражало никаких эмоций. Только уголки губ слегка подергивались, словно он хотел улыбнуться.

– Пожалуйста, – сказал мужчина и протянул руки.

По каменному лицу с подергивающимся подобием улыбки пробежала рябь.

Горбач узнал его.

Синклер

Из княжеского кабинета они переместились в зал Малого совета.

На стене висела большая карта Территории. Рядом лежали цветные маркеры и магниты. Карта висела здесь не просто для красоты – над ней явно работали лучшие картографы клана. Аккуратной рукой неизвестный Синклеру эксперт разметил владения великих кланов. Белым пунктиром обвел известные зоны и стабильные границы Стазиса. Маршруты кочевников нарисовал длинными стрелками. Были упомянуты даже несколько субкланов, набиравших силу где-то за Владимиром.

На территории волгоградских Распутников кто-то нарисовал грустный смайлик и размашисто подписал «пидары». Более осмысленно выглядел висевший тут же красный магнитик. В легенде карты красный код значил «в состоянии войны».

Князь Хлеборобов мог казаться жестоким, иногда нелепым и даже глуповатым, но его точно нельзя было обвинить в геополитической легкомысленности. Синклер встречал князей великих кланов, которые не знали, что у них под носом и в какой стороне вообще запад или восток. Они просто собирали полки варваров, вооруженных арматурой и старыми базуками. И воевали, куда бог положит. Все без исключения князья такого рода быстро оказывались на виселице.

Длинный, грубо сколоченный стол заседаний стоял в центре.

В зал вбежали два клановых стюарда. Они быстро расставили стулья, пепельницы и бокалы. Еще один стюард ловко раскидал по столу бутылки с самодельным виски, брагой и чистой водой. Четвертый внес поднос с канапе из бурого хлеба с диким огурцом и медвежьим мясом. Синклер заметил, что стюарды Хлеборобов одеты не в жилеты, а в бархатные куртки с манжетами, и покачал головой.

– Зачем их так. Нарядил? – спросил Синклер у князя.

Тот, кряхтя, пытался забраться на слишком высокий стул во главе стола.

- Чтобы ты спросил, - ответил он хмуро. - Для внушительности.

- Как клоуны.

- Отстань, - сказал князь. - Тебя забыл спросить, во что мне моих людей наряжать.

- Мне все равно, - сказал Синклер и пожал плечами. - Кого ждем?

- Коршуна. И воеводу. И мастера экономики нашего, пана Корчу. Ты же говоришь, что дело важное, даже сам прибежал. Мне нужно советоваться.

- Зачем. Советоваться? - спросил Синклер. - Надо слать людей. Галок почтовых. Телеграф. Уходить из Красноармейска. Времени мало. Я же говорил.

- Мало не много. Канапешечку скушаешь? - спросил князь.

- Завтра тебя эмиссары. Будут кушать, - сказал Синклер.

- Эмиссары не едят людей.

- Они делают хуже.

- Слушай, Синклер, я этой твари повидал не меньше твоего, - сказал князь. - Не надо меня учить.

- Меньше, - сказал Синклер.

- Может быть, немного меньше, - сказал князь. - Но немало. Думаешь, это просто - держать столицу клана рядом с Москвой? Я бы мог переместить ее восточнее. Но это знак силы. Когда ты живешь у границы, ты вынужден быть сильным. И все мои враги это понимают. Кроме того, мои бойцы блюдут себя по строгой военной дисциплине все время, потому что иначе тут выжить невозможно. Ты слышал про зоны комфорта? Чтобы быть в тонусе, надо

постоянно вырывать себя из зоны комфорта. Потому клан Петухов сгинул, когда ушел на спокойный Кавказ. История Территории может предложить тебе множество таких примеров. Так что я не понимаю, какого дьявола ты строишь тут из себя эксперта и пытаешься меня учить. Я сам тут все построил. Сам себе все подчинил. Без твоей помощи.

- Почти без нее.

- Но тем не менее, - сказал князь.

- Жить на границе врага. Хорошо. Твоя правда. Но сейчас. Это граница тайфуна, - сказал Синклер.

- И что же изменилось? - спросил князь и зевнул.

- Изменилось многое. Я видел. Московские улицы. Куклы стоят. Как в детском магазине. Из фильма. Тысячи. Терракотовая армия, - сказал Синклер.

Он аккуратно присел на стул, на который указал ему князь. Стул был жесткий и неудобный. Для своих вассалов князь оставил стулья с мягкой обивкой, а гостю выделил черт знает что.

«Указывает на мой статус. Ох, князь, умный ты, умный, а дурак, тщеславный и обидчивый. Как же мне тебя убедить?» - подумал Синклер.

- Можно подумать, раньше в Москве никогда не было эмиссаров, а сейчас неожиданно объявились, - сказал князь.

- Всегда были, - кивнул Синклер. - Но не колонны. Не шеренги. Не так много. Не так неподвижно. Они все. Смотрят на восток. И поют. Тебе не докладывали? Я удивлен. Коршун зря ест. Свой хлеб.

- Докладывались, конечно, за кого ты меня держишь? Но они и раньше пели. Они любят петь, чертовы куклы, - сказал князь.

- Теперь песня изменилась.

– С чего ты взял, Синклер? Кто вообще разберет их песни?

– Я разберу. Раньше была песня. Весеннего дня. Теперь песня. Грядущего Покоя.

– По-моему, это все просто заунывный вой, – сказал князь.

– Ты почему. Такой дурак? – спросил Синклер и осекся.

«Зря. Зря. Ошибся, черт, не сдержался. Теперь он еще больше закроется и обидится», – подумал Синклер.

Князь откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. Его слегка раскосые глаза засверкали. Он сощурился и стал похож на маленького Чингисхана.

– Я не это. Имел в виду, – сказал Синклер беспомощно.

– Ничего, ничего, дружище, – сказал князь. – Я не в обиде. Ты, верно, лучше меня разбираешься в песнях этих тварей, я верю. Все лучше меня знаешь. Ты же с ними дружишь, а я просто молочу их в порошок.

Сказав это, князь поджал губы, закинул ногу на ногу и уставился в потолок.

«Пора менять тактику, – решил Синклер. – Я же давно знаю этого человека, почему я не могу его уговорить? Он властный, он любит лесть, если та по делу. Надо его похвалить».

– Я пришел. Именно к тебе. Потому что ты. Один из крупных...

– Самых крупных дураков? – с интересом спросил князь и усмехнулся.

«Конечно, тебе легко перебивать человека, который не может пять слов подряд выговорить, скотина».

– Нет же. Я говорю, что... – сказал Синклер.

Двери зала Малого совета распахнулись с громким скрипом. Гвардейцы почтительно расступились перед людьми, вошедшими в зал. Они синхронно забросили автоматы за спину и ударным жестом приложили правую руку к левому плечу. Им ответили тем же жестом, но не таким чеканным и более ленивым.

– Вот и мои лорды пожаловали, – сказал князь с облегчением. – А то мне одному с тобой страшно сидеть.

Синклер повернулся на стуле, чтобы рассмотреть лордов.

Коршуна он знал довольно хорошо. Он выглядел спокойным, как сытая кобра. И был опасным, словно кобра голодная.

Нового воеводу клана Синклер до сих пор не видел. Высокий парень лет тридцати, мощный, как шкаф, с пушистыми бакенбардами. Он напоминал борца, завершившего карьеру. Все еще высок и силен, в плечах – косая сажень, во взгляде сталь и властность. Но под кителем воеводы уже выпирает небольшое брюхо, видны залысины, лицо одутловатое от пьянства, а глаза мутные, словно еще не отошел с похмелья.

Мастер экономики ковылял позади. Пана Корчу князь выписал из западных секторов Территории много лет назад. Уже тогда пан Корча был подслеповатым, сгорбленным, острым на язык, ворчливым и немного нелепым стариком. Казалось, что он отдаст богу душу со дня на день. Но годы шли и шли, а пан Корча не менялся. Только стал видеть чуть хуже и горбиться больше. Работа мастера экономики – за бумагами, за бесконечной бухгалтерией. Удивительно, что к своим годам при такой нагрузке пан Корча не ослеп окончательно. Кажется, именно он придумал концепцию торговой блокады Распутников, а еще раньше вогнал в долги сильный субклан Гончаров, который имел неосторожность поселиться на границе владений князя. Не в силах отдать долги, весь субклан целиком встал под знамена Хлеборобов. А казнить лидера Гончаров и раскидать его бойцов по всем своим владениям князь догадался уже сам.

Лорды расселись за столом. Воевода немедленно закурил и налил себе виски. Коршун аккуратно сцепил пальцы, положил на них подбородок и принял позу гимназиста, готового слушать урок. Пан Корча охал и кутался в шаль.

– Внеочередное заседание Малого совета клана Хлебоборов объявляю открытым, – сказал князь. – Верные мне чиновники, знакомьтесь, это Синклер, бродяга. Синклер, знакомься, это верные мне чиновники.

Коршун коротко улыбнулся гостю, не меняя позы. Воевода помахал рукой, не отрываясь от бокала с выпивкой. Пан вообще не обратил на Синклера никакого внимания, он кутался и непрерывно ворчал.

Синклер привстал, склонил голову и уселся обратно.

– Наш добрый друг Синклер уверяет, господа, что скоро в сторону Красноармейска двинутся орды эмиссаров Стазиса и мы будем сметены, – сказал князь, развел руками и виновато улыбнулся. – Владимир, насколько это возможно?

– Невозможно решительно, – отозвался воевода.

Он изучал свое отражение в бокале и немного улыбался сам себе.

– Я докладывал, ваша светлость. Недавно я запустил новую и совершенно прекрасную систему мотоциклетного дозорного патрулирования на западной, на минуточку, границе. Это раз. Никто не пройдет незамеченным. Западная граница укреплена великолепными глубокими вырытыми рвами и деревянными защитными дзотами. Это два. Стены города очень крепкие, в расположениях тысячи верных вам храбрых бойцов, вооруженных оружием, бесстрашно бившихся в битвах. Это три.

– Ваше патрулирование. Дерьмо, – сказал Синклер. – Пять слонов. В ряд пройдут. Дойдут сюда. Никто не заметит.

– Я бы попросил, – сказал воевода.

Он презрительно посмотрел в сторону, не удостоив Синклера даже взглядом.

– А если эмиссаров придут прямо-таки невозможные тысячи? – спросил князь. – Владимир, на сколько существ рассчитана наша оборона?

– Про оборону лучше бы рассказал мастер обороны, решительно, – признался Владимир.

– На вас его полномочия и обязанности, пока он в отъезде, воевода.

– Совершенно верно, – сказал воевода. – Я хотел сказать, что мастер обороны лучше меня рассказал бы про стратегические моменты, но всей полноценной информацией я тоже владею. Стены выдержат очень много, прямо-таки до неприличия много существ. Откуда им взяться в таком неисчислимом количестве, ваша светлость?

– Пятьдесят тысяч. Выдержат? А сто? А откуда. Они вообще изначально. Взяться? – спросил Синклер с раздражением.

– Я прошу меня решительно извинить, княже, но ваш гость меня постоянно перебивает. Я не могу работать в такой обстановке мрачного недоверия и постоянных попыток невозмутимого и очевидного попрания моего авторитета как воеводы доблестного князя Хлеборобов, – сказал Владимир.

– Приношу извинения, воевода, – сказал Синклер.

– Извинения приняты, – ответил князь за воеводу. – Перестаньте перебивать и обижаться. Как дети малые, честное слово. Виталий Александрович, вопрос вам. Что слышно о ситуации в Москве?

– Быть может, наш гость сначала изложит свою версию? – спросил Коршун.

Он сладко улыбнулся, рассматривая свои ногти.

– И то верно, – согласился князь. – Синклер, расскажи сначала, будь добр.

Синклер тяжело вздохнул:

– Господа. Мне непросто говорить. Как видите. Дефект речи. Контузия. Наберитесь терпения.

– Мы очень внимательно слушаем вас, Синклер, – ласково сказал глава службы княжеской безопасности. – Продолжайте, мы не будем перебивать.

«Змей. Ты-то хорошо знаешь, какая у меня там контузия, сволочь», – подумал Синклер.

– Угу, – сказал воевода.

– Так в чем сыр-бор? – недовольно спросил пан Корча.

Синклер прочистил горло и продолжил:

– Прошлую неделю. Провел в Москве. Дошел до Кремля. Исходил ее всю. Едва ушел живым. Вы все знаете. Главный очаг – Москва. Вы живете рядом. Вы хорошо знаете.

Воевода важно покивал. Князь начал скучать и ковыряться зубочисткой из канапе.

– Я тоже знаю. Москва изменилась. Стазис идет. Прорыв будет жуткий. Тьма эмиссаров. Стоят строем. Десятки тысяч. Не бродят. Ждут приказа. Смотрят на восток. Я много путешествовал. Я изучал Стазис. Перед атакой. Во время волнений. Эмиссары поют. Слышали песни эмиссаров?

– Да уж, приходилось слышать много раз и неоднократно, – сказал воевода.

– Твари эти всегда воют. Спать мешают, – сказал пан Корча.

– Кажется, что вой, – согласился Синклер. – Не просто вой. Он имеет тональности. Оттенки смысла. Я могу уверенно. Сказать, что сейчас. Эмиссары Москвы. Поют боевой клич. Песню Грядущего Покоя. Атака скоро.

– Это все, Синклер? – спросил князь. – Признаться, я ожидал более подробного изложения и более весомых аргументов.

– Есть и еще, – сказал Синклер.

Коршун кашлянул и робко поднял руку, как школьник на уроке.

- Князь, могу я задать вашему гостю несколько вопросов?

- Для этого я вас и позвал, Виталий Александрович, - сказал князь.

- Синклер... кажется, вас так зовут? - спросил Коршун.

«Ты же прекрасно знаешь, как меня зовут», - подумал Синклер.

- Да, - ответил он.

- Могу я попросить вас снять перчатки и положить вашу левую руку в центр стола, чтобы все присутствующие могли ее наблюдать?

«Пакость очкастая», - подумал Синклер.

- Зачем? - спросил он.

- Вы увидите, - сказал Коршун и улыбнулся.

- Нет причин, - ответил Синклер.

- Дорогой мой, это просто рука, - сказал Коршун. - Хотите, я вам свои руки покажу? Вот они, смотрите, пожалуйста.

Глава службы безопасности отвернул манжеты офицерской куртки и стянул перчатки. На левом запястье переливалась клановая татуировка Хлеборобов. Он помахал ладонями в воздухе, чтобы все находящиеся за столом могли их видеть.

- Вы меня подозреваете. В чем? - спросил Синклер.

- Пока ни в чем, Синклер, - сказал Коршун. - Но ваше нежелание выполнить элементарную просьбу скоро вынудит меня подозревать вас черт знает в чем. Я же не прошу танцевать гопака и не желаю вас унижить. Просто покажите левую руку.

Синклер помедлил. Наконец он отвернул рукав плаща и снял тяжелую, потертую кожаную перчатку. И положил ладонь на стол. На левом запястье виднелась почти бесцветная, но однозначная гербовая татуировка – перекрещенные меч и рог с вином, а на заднем плане – ряд пляшущих человечков.

– Как вы можете видеть, наш гость носит татуировку Распутников, – сказал Коршун с грустью. – В первую очередь я должен спросить уважаемый совет, можем ли мы доверять Распутнику, учитывая актуальную политическую ситуацию?

– Что за игра? – спросил Синклер. – Я не Распутник. Очень давно. Князь это знает. И ты знаешь.

– Да, князь это знает. И я это знаю. Но наш воевода и мастер экономики, может быть, и не знают. Я не могу вводить в заблуждение высших чиновников своего клана. Простите, Синклер, если я сказал что-то обидное. Я переформулирую вопрос. Можем ли мы доверять бывшему Распутнику, учитывая актуальную политическую ситуацию?

«Надо было задушить эту гниду еще во время замеса у Круглого озера», – подумал Синклер.

Пан Корча встал со своего места. Из своей необъятной шали он выудил круглые очки с толстыми стеклами. Он подошел к Синклеру, нацепил очки на нос, наклонился и внимательно рассмотрел татуировку.

– Сомнений быть не может. Это татуировка Распутников, – объявил он экспертным тоном.

– Я не отрицал, – сказал Синклер.

Князь все это время молчал. Он переводил взгляд с виновато улыбающегося Коршуна на Синклера и что-то напряженно обдумывал. Морщил лоб, цыкал и потирал висок.

– Вероломство. В нем нет ничего зазорного. Каждый имеет право, хотя нам, Хлебобобам, верным своему клану от рождения и до смерти, бывает трудно это

понять. Но я не хочу навязывать вам наши этические модели, Синклер, – сказал Коршун.

– Благодарю, – сказал Синклер.

– Не за что. Теперь второй момент. Пан, пока вы не отошли от нашего гостя. Потрогайте его руку. Прямо сейчас.

Синклер растерялся и не успел отдернуть запястье. Старик вцепился в него обеими руками, приподнял и затряс им, словно вещественным доказательством.

– Холодная как лед! – завопил он.

«Целых тридцать градусов, старый кретин», – подумал Синклер.

– Может быть, вы просто замерзли? Кажется, здесь немного прохладно. Велеть стюардам разжечь огонь? Мы можем переместиться к камину.

– Прекрати цирк, – сказал Синклер. – Говори прямо.

– Говорить прямо? А вы уверены, что сейчас для этого время и место? – улыбнулся Коршун. – Впрочем, прямо так прямо, извольте. Вы эмиссар.

Воевода поперхнулся своим виски и громко закашлялся. Он машинально отодвинулся подальше от Синклера и загремел стулом. Пан со стуком выронил запястье и мелкими шажками, не поворачиваясь, спиной вперед, пошел на свое место.

– Виталий Александрович, это тоже не тайна, – сказал князь и поморщился. – Мне известно, что у нашего гостя... непростая биография. И он все-таки не эмиссар. Не совсем.

– Мне тоже, – сказал Коршун. – Но опять же, я не могу держать в неведении своих уважаемых коллег. Им должно быть известно об истинной сущности нашего гостя. Скрыть от них подобную информацию было бы равноценно преступлению. Кроме того, князь, такие вещи иногда полезно освежить в памяти. Старое товарищество – сильная штука, мне ли не знать, ваша светлость?

Важно, чтобы в критический момент оно не помешало мыслить здраво.

– Я не эмиссар, – сказал Синклер.

– Правда? – улыбнулся Коршун.

– Не совсем. Черт. Уважаемый совет. Я пережил нападение. Очень давно. Долго без сознания. Провел на территории Стазиса. Это дало эффект. Странный эффект. Вроде болезни. Но я не эмиссар. Я человек.

– Мы можем быть в этом решительно уверены? – спросил Владимир.

– Можете, воевода.

– Это невозможно. Так не бывает, – сказал пан Корча.

– Я перед вами, – ответил Синклер.

– Не знаю, зачем вы это устроили, Виталий Александрович, – сказал князь. – Но напомню вам, что мы собрались не для обсуждения Синклера. Мы собрались здесь для обсуждения информации, которую он принес.

– Именно к этому обсуждению я и собирался перейти незамедлительно, – сказал Коршун. – Синклер, когда вы посещали Москву? Сразу ли после Москвы вы направились к нам, в Красноармейск?

– Полторы недели назад. Был там неделю. Около МКАД. Меня ранили мародеры. Два дня. Приходил в себя. Сразу после этого. Пошел сюда.

– Вы не посещали другие города? Не общались с клановыми офицерами других кланов? – спросил Коршун.

– Нет, – ответил Синклер раздраженно. – Я два дня лежал. Под брезентом. Почти без памяти.

– Вы совершенно уверены, что в течение последних трех дней не посещали Рязань или ее пригороды? Скажем, Рыбное?

– Как бы я. Это сделал? – спросил Синклер.

– На армейском грузовике, например, – сказал Коршун и пожал плечами.

– Еще раз. Около Москвы ранили. Два дня лежал. Пришел сюда. Здесь. Какая Рязань?

– Действительно, какая Рязань, – сказал Коршун и рассмеялся. – Вернемся к теме. Вы говорили, что на улицах Москвы стоят орды эмиссаров. Орды – это сколько?

– Это много, – сказал Синклер.

– И все-таки чуть подробнее. Сколько, по-вашему? По вашей экспертной оценке.

– Десятки тысяч.

– Вы были в Москве целую неделю, и все, что вы можете сказать, – «десятки тысяч»? Два десятка? Или десять десятков? Я даже не спрашиваю, как вы смогли выжить в Москве целую неделю. Надеюсь, вы оценили мою деликатность. – Коршун весело улыбнулся и огляделся по сторонам, словно хотел призвать коллег оценить шутку.

– Я должен был. По головам их. Пересчитать? Не меньше пяти. Десятков.

– Пятьдесят существ? – спросил Коршун.

– Пятьдесят тысяч. Зря теряем время. Вы должны мобилизовать. Эвакуировать. Я спешил. Чтобы вам помочь. Надо собирать. Великий Совет кланов. А вы... – сказал Синклер.

– Мы ценим вашу помощь. От лица клана я приношу вам благодарность, Синклер, – сказал князь.

– В дупло благодарность. Спасайте людей.

– Мы не сможем приказать сдвинуть с места такой огромный крупный город, как Красноармейск, только если не будет решительной уверенности в целесообразности этого необратимого действия, – сказал воевода.

– Вы с ума сошли все? – сказал мастер экономики. – Чтобы эвакуировать Красноармейск, надо неделю, не меньше! Ваша светлость, дело ваше, а закрома так быстро не вывезти. Послезавтра обоз из Дубны придет, завтра нижегородский, а куда их девать? И вообще. Это надо не меньше десятка писем разослать. Иначе ничего путного не выйдет. Дело хлопотное.

– Они правы, – сказал князь.

– Не торопитесь, господа, – сказал Коршун. – У нас с вами еще нет, как выражается Владимир, решительной уверенности в словах нашего гостя. Хорошо, Синклер. За неделю вы даже не смогли примерно сосчитать поголовье существ. Никаких доказательств того, что они собираются атаковать, у вас нет. Однако вы требуете, чтобы князь немедленно покинул свою столицу... ради чего?

– Ради спасения. Ваших жизней.

«Идиоты», – подумал он.

Коршун встал и начал расхаживать вокруг стола, поглядывая на большие настенные часы.

– Чего мы ждем, Виталий Александрович? – спросил князь.

– Мы ждем полудня, ваша светлость, – объяснил Коршун.

– И зачем это?

Дверь открылась. Вбежал парнишка, совсем юный, лет пятнадцати, в клановом жилете с эмблемой всевидящего глаза. Он приложил правую руку к левому плечу, испуганно поклонился Коршуну и всем собравшимся, передал ему тонкую

папку-скоросшиватель с бумагами и быстро ушел.

Коршун бегло пробежал глазами донесение. Удовлетворенно кивнул и передал папку князю. Тот развернул листы и близоруко сощурился, пытаясь их рассмотреть.

– Это что, Виталий Александрович? Что за схемы?

– Это актуальные данные по востоку Москвы на девять утра сегодняшнего дня, князь. За эти сведения отдал жизнь один из ваших бойцов, мой подчиненный, между прочим. Посмотрите внимательно.

Князь погрузился в изучение документов.

– Ничего не понимаю. Написано, что концентрация существ ниже сезонной нормы на десять процентов. Тут ничего не сказано про орды и колонны. Почему?

– Действительно, почему? – удивился Коршун. – Может быть, нашему гостю они приснились, пока он лежал со своей раной. Бредовые галлюцинации или что-то типа того. Слышал, такое бывает у контуженых и раненых. Я не врач, я не знаю.

– Это чушь, – сказал Синклер. – Можно посмотреть?

– Не давайте ему бумаги, – сказал Коршун.

Но князь и сам не торопился выпускать агентурные данные из рук. Он пролистывал страницы и что-то считал, щелкая пальцами. Синклер встал и подался к нему.

– Никакого бреда. Неделю был там. Видел своими глазами. Как вас сейчас, – сказал Синклер беспомощно.

– А знаете, я с вами согласен, – внезапно сказал Коршун. – Вы не говорили бреда, у вас не было никаких галлюцинаций.

Коршун едва заметно двинул бровями и провел большим пальцем по указательному. Синклер считал этот знак и рванулся к выходу, но автоматчики,

подошедшие по знаку Коршуна, уже уперли ему в спину стволы.

– Защищайте князя! – запоздало крикнул воевода.

Пан Корча посмотрел на него иронично, но на всякий случай передвинулся вместе со стулом от линии огня.

– Вы не говорили бреда, – повторил Коршун. – Вы ввали совершенно сознательно. Пользуясь своим влиянием на князя, вы готовили масштабную провокацию по заказу Соловьева. Вы знали, что князь, как ваш старый товарищ, скорее поверит вам, чем нет. Кроме того, вы действительно... нестандартный персонаж, и князь опять же поверит, что вы могли неделю провести в Москве и выжить. И в эту чушь про песни эмиссаров, ведь вы гораздо ближе к Стазису, чем любой из нас. Я более чем уверен, что в случае вашего успеха наши эвакуационные обозы взяли бы в котел Распутники. Обезглавить целый клан одним ударом, заставить врасплох, вбить клин – хорошая идея. Думаю, князя вы бы устранили лично. Во время атаки Распутников начался бы переполох, и вам бы представился удобный случай. Уничтожив обозы, они заняли бы освободившийся Красноармейск – город хорошо укреплен и готов к атакам, это первоклассный форт. Отбить его обратно стало бы непростой задачей. Клан Хлеборобов могуч и силен, но и наши враги не хлеблют лаптем щи – иначе они давно стали бы нашими мертвыми врагами. Если бы ваша провокация удалась, Распутники получили бы нашу столицу, смуту в наших рядах и серьезный перевес в конфликте.

Воевода слушал в полнейшем потрясении. Он даже перестал пить. Пан Корча задумчиво черкал карандашом в блокнотике, каждые несколько секунд охал и тряс седой головой. Только князь превратился в камень и смотрел на Синклера не моргая.

– Это неправда. Полностью. Это неправда, – сказал Синклер. – Зачем мне, князь?

– Зачем предателю, преступнику, вероломному бродяге большие деньги? – спросил Коршун. – Предатели и преступники тоже люди и тоже хотят денег. Даже если они не совсем люди – как вы, Синклер. Дружба вам чужда, товарищеские отношения – блеф. Нам известно, что Стазис выжег в вашей душе значительную часть человеческих эмоций. Впрочем, он любезно оставил вам умение наслаждаться алкоголем и женской любовью. Вы сами это говорили. Кажется, в казанском баре-борделе «Астрид» летом прошлого года,

четырнадцатого июля, приблизительно в половину десятого вечера. Или пятнадцатого июля? Всего не упомнишь, человек я уже немолодой, память иногда подводит. У меня на вас большое досье, Синклер. Я давно вас изучаю. Стало быть, Стазис оставил вам еще меньше моральных барьеров, хотя их и раньше было не так много, не правда ли?

- Вот ублюдок, - сказал Синклер. - Это ложь. Князь, это ложь.

- Вы такого не говорили? - удивленно спросил Коршун.

- Говорил. Все остальное ложь. Я не провокатор.

- Как это у нас здорово выходит. Это правда, и это правда, и пятое правда, и десятое - правда, причем документально подтвержденная. И ваша попытка сбежать, когда я подал бойцам знак ареста. А в целом все ложь, я ублюдок и вас цинично оболгал?

- Да, - сказал Синклер. - Я действительно. Все это видел. Я не работаю. На Распутников.

- Но носите их татуировку? - спросил воевода.

- Это было давно, - сказал Синклер. - Как вам объяснить?

- У вас была возможность все объяснить, Синклер, - сказал Коршун. - Боюсь, вы ее упустили. Зря вы это затеяли. Зря вообще сюда пришли.

- Князь, - сказал Синклер и беспомощно посмотрел на лидера Хлеборобов. - Скажи!

Князь задумчиво перебирал в руках листы с донесениями. Он уже не читал их, просто по инерции вертел в руках. Уголки его губ опустились. В своем слишком большом и чересчур высоком кресле он стал похож на обиженного сгорбленного ребенка.

- Тебе есть чем ответить, Синклер?

- Я не показал вам всем еще одну вещь, - сказал Синклер.

- Да, ты говорил, у тебя есть что-то еще. Какое-то еще доказательство. Оно у тебя с собой? Покажи его нам. Но учти, что это твой последний шанс.

- Мне нужен вещмешок, - сказал Синклер. - Прикажи им принести.

- Подайте баул нашего гостя! - крикнул Коршун. - И готовьте почетный эскорт!

Князь бросил на него быстрый взгляд.

- А что? - удивился Коршун. - Эскорт в любом случае понадобится. Если врет - до тюрьмы. Если нет - до покоев.

- Зачем до покоев. Эскорт? - спросил Синклер.

- Не будет никаких покоев, - ответил Коршун.

Бойцы клана внесли в комнату потертый вещмешок Синклера. Они остановились перед ним с мешком в руках и замялись. Синклер протянул руку. Бойцы отшатнулись.

- Дайте ему мешок. Наш гость все равно под прицелом, - разрешил Коршун.

- Спасибо, - сказал Синклер.

«Скотина», - подумал он.

Бойцы аккуратно, на вытянутых руках протянули мешок и поспешно, но стараясь не терять достоинства, отступили назад. Синклер запустил руки в мешок и принялся рыться. Не доставая рук, он сказал:

- Вы видели зерно. Стазиса. Когда-нибудь?

- Приходилось, когда вылавливали скрытых эмиссаров и диверсантов Распутников. В этом деле мы накопили некоторый опыт, - сказал Коршун.

– Конечно, видел, – сказал князь. – Отвратительная дрянь.

– Я сжигал их сотнями, – подтвердил воевода.

– Кого видели? – спросил пан.

Со своими подсчетами он немного потерял нить событий. Кроме того, он был слегка глуховат.

– Тогда вам будет. С чем сравнить. Господа, – сказал Синклер. – Приготовьтесь.

Он аккуратно достал из мешка предмет, похожий на стальной подшипник. Предмет был окутан легкой туманной дымкой. На его блестящей поверхности вспыхивали и гасли яркие белые прожилки. Стальной шар был мертвым и в то же время казался живым существом. Каждый, кто смотрел на него, чувствовал умиротворение – и чем слабее его воля, тем сильнее умиротворение.

«Других вариантов у меня все равно не осталось. Придется им показать».

– Я принес из Москвы. Оно ярче обычного. Во много раз. Это доказывает... – сказал Синклер, но договорить не успел.

Коршун сделал неуловимый жест, и Синклер получил два синхронных удара по почкам прикладами автоматов. Он охнул и согнулся. Руки разжались, но кончиками пальцев он все еще удерживал шар.

– Не дайте ему разбиться здесь! – крикнул Коршун.

Бойцы растерянно смотрели на Коршуна. Им не хватило силы духа забрать из рук Синклера зерно Стазиса. У одного из них автомат ходил ходуном. Другой просто глупо улыбался. Коршун чертыхнулся и бросился к ним, сшибив пустой стул.

– Олухи, мать вашу, – сказал он.

Коршун вырвал у согнутого Синклера зерно. Другой рукой он коротко двинул его в диафрагму. Синклер задохнулся и упал на пол.

После Коршун порылся в его мешке, достал оттуда кусок конопляной дерюги и плотно замотал шар в него.

– Вы все видели сами, князь, – сказал Коршун. – Ваш гость попытался разбить здесь зерно Стазиса. В зале вашего Малого совета! Какие еще доказательства вам нужны?

«Я кретин, – подумал Синклер. – Я совершаю ошибку за ошибкой. Нельзя было показывать им зерно. Если Коршун так хорошо подготовил подлог, он и к другим неприятностям должен быть готов. Коршун любит продумывать комбинации досконально». Синклер лежал на полу, а очнувшиеся бойцы слегка колотили его прикладами.

«Да прекратите уже, козлы», – подумал Синклер.

– Я не хотел бить, – прохрипел он. – Я хотел показать.

– Замолчи. Я вижу, как ты отвечаешь на гостеприимство, – сказал князь.

Он приподнялся на стуле, и его глаза недобро засверкали.

– Я был не прав, – медленно сказал князь. – Не прав, когда позволил тебе войти. Нельзя заносить эту дрянь в черту города. Сначала то, что сказал Коршун, показалось мне ерундой. Я подумать не мог, что ты способен на предательство. Но мы давно не виделись, а люди имеют склонность меняться. Дружба – понятие условное. Я не могу игнорировать сигналы от человека, которому доверяю свою безопасность и безопасность своего клана.

– Коршун обманывает тебя, – сказал Синклер.

Коршун усмехнулся и закатил глаза.

Синклер попытался привстать, получил еще один удар прикладом, охнул и упал на одно колено. Бойцы были смущены недавним конфузом с зерном и старались

хотя бы так отработать эту промашку.

– Прекратите его бить. Лучше свяжите ему руки, – сказал князь. – Синклер, почему ты не попробовал моих яблок?

– Что? – спросил Синклер. – Каких еще яблок?

– Антоновки.

– Не понимаю.

– Я говорю, ты ничего не ел. Ни яблок, ни канопе, – грустно сказал князь. – Есть такой древний обычай. Гость, вкусивший хлеб-соль под крышей хозяина, становится повязан специально обученной магией. Он не может причинить хозяину вреда. А хозяин не может напасть на гостя или сделать ему какое-то другое западло. На этом строилась вся наша цивилизация. Но ты же любишь всякое старье? Видимо, древние обычаи ценишь тоже? Потому и не ел ничего? Чтобы не связать себе руки?

– Это какой-то бред, – сказал Синклер.

– Наша жизнь заполнена бредом. Огромный бредовый пирог, со слоями чуши и абсурдной начинкой. С одной стороны он пригорел, а с другой – сырой. Рано или поздно любой отравится этим сраным пирогом. Но мне нравится его вкус. Я еще не устал его есть. Бросьте его в тюрьму.

Синклер попытался вырваться из рук бойцов, но получил очередной удар, теперь по голове. На этот раз его ударил Коршун – рукояткой своего «стечкина». Экономным профессиональным приемом, по автоматизму которого легко догадаться, что глава службы княжеской безопасности пользуется им нередко.

В голове у Синклера зашумело, но он все еще держался. Коршун удивленно покачал головой и выдернул из-за пояса у одного из бойцов тазер.

– Вот это тебе точно не понравится, – улыбнулся он.

«Почему я всегда делаю все не так», – успел подумать Синклер, получил заряд и потерял сознание.

8

Синклер

В беспомощности Синклеру снились дурные сны. Он стонал, вырывался и пытался убежать от того, кто улыбался. Что-то билось у него над головой, что-то темное преследовало его. Когда во сне Синклер смотрел на свои руки, они были покрыты темной кровью. Кровь дымилась. Синклер стряхивал ее, счищал, вытирал об одежду. Кровь оставалась на руках. Вдалеке он видел небольшую светлую деревню. В окнах домов уютно горел свет. Он знал, что деревне грозит опасность. Улыбчивый преследователь шептал ему это в спину. Синклер бежал в сторону деревни. Час, два, три. Деревня оставалась ярким светлым пятном на горизонте. Она не приближалась. В какой-то момент горизонт потемнел, и над уютной деревней забили вспышки темного огня. Только после этого деревня позволила приблизиться к себе, но было уже поздно.

Синклер знал, что живых не осталось.

Или остались?

– Жрать хочешь? – спросил неуверенный голос.

Синклер со стоном открыл глаза. Голова болела. Он ощупал ее и обнаружил огромную гематому – на том месте, куда его ударил рукояткой Коршун. Все тело болело после побоев. Но хуже всего было ощущение электрического тока от удара тазером. Оно отзывалось в теле фантомной болью. Синклера подергивало. При каждом подергивании внутри что-то панически выло. Он погасил страх усилием воли. В голове звенело и гудело, словно его засунули в колокол.

«Тишины хочу, тишины. Нервы, что ли, обожжены? Тишины хочу. Тишины», – напел он про себя.

– Жрать, говорю, хочешь? – повторил голос.

– Хочу. Дай, пожалуйста, – ответил Синклер.

Он сел на пол и понял, что находится в небольшой комнате. В углу стояло ведро. В другом углу валялся слежавшийся матрас. В камере не было света, он пробивался только сквозь дверную решетку. Пахло дерьмом и многолетней пылью. Условия не княжеские, но лучше так, чем в зиндане.

Голос принадлежал скучающему часовому. Часовой с любопытством и страхом тарасил глаза из-за дверной решетки. Остроглазый кудрявый парень с тонкой шеей и большим кадыком. Такой тощий, что его самого хотелось накормить.

– Только не дергайся, мужик, – предупредил тощий парень. – Вокруг тебя бетона толщиной метра в полтора, а то и два. А эту дверь тараном не выбьешь. Так что не вздумай. Я имею право тебя пострелять в любой момент, и мне ничего не будет. Виталий Александрович лично сказал. Потому что ты опасный.

– Да, я опасный, – согласился Синклер.

«В основном опасный для себя самого», – подумал он.

– А вы как люди едите? Или каких-нибудь пауков там, крыс? У нас тут есть пауки, много, – сказал часовой. – Спать ложишься, смотришь – сверху пидор восьминогий сидит. В толкан идешь – на ободке сидит, пырит. Арсенал открываешь – и там говнюк какой-то со жвалами. Но капитан запрещает их трогать. Говорит, деньги приносят.

Подозрительность в его голосе причудливо смешивалась с восхищением пленником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://telnovel.me/kartushov_vadim/stazis

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)